Дмитрий ЕМЕЦ

Седло для дракона

ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

Дмитрий Александрович Емец

Седло для дракона

Серия «ШНыр», книга 8

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23595689
Седло для дракона / Дмитрий Емец: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-95482-7

Аннотация

Много лет назад Митяй Желтоглазый, один из первых ныряльщиков, нашел в другом мире – двушке – необычный самородок и выковал из него фигурку. Эта фигурка помогает ее обладателю приручить дракона. Драконы более маневренны, чем пеги, они быстрее, сильнее, и нырять с ними на двушку гораздо легче. Однако провести их в наш мир невозможно, а значит, и фигурка совершенно бесполезна. До поры до времени…

В наши дни опытная, но отчаянная Наста попыталась принести с нырка нечто особенное, не просто живую закладку, а яйцо. И судя по его размеру, из него мог вылупиться кто-то крупный. Шныры не знают кто, а вот кое-кто из ведьмарей знает. И теперь будет охотиться за редкой находкой.

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 41
Глава третья 71
Глава четвертая 95
Конец ознакомительного фрагмента. 105

Дмитрий Емец
Седло для дракона

© Емец Д. А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

– Человек – это прочитанные книги, ищущее беспокойство духа, сила привычек и немного генетики. И больше, по сути, ничего.

– Но ведь еще много зависит от того, какие книги читать! И когда! И с какой целью!

– Это – да. Но по большому счету все это само выправляется.

Кавалерия

Так вот, господа молодые офицеры. Я давно заметил, что люди сделаны из различных материалов. Существует глино-обыкновенный, и существуют глино-огнеупорные, есть железобетон – очень распространенный материал. Попадаются керамические изделия, есть люди, крытые черепицей, существуют конструкции из готовых блоков. Вот Лева – он крыт соломой. А вы, Лёлечка, по-моему, сделаны из заменителей. Я имею в виду самую качественную синтетику. А вот наш друг Володя – он выполнен из современных материалов. Он антимагнитен, морозоустойчив,

водонепроницаем, антикоррозиен. Это тугоплавкий металл. Его можно запустить в космос, и он не сгорит в плотных слоях атмосферы. Вот почему я за него спокоен.

Фильм «Июльский дождь»

Глава первая
Два самородка

В нормальных условиях мы представляемся себе исправными, даже благородными, но чуть какой перегруз, или сбой, или что не по-нашему – сразу грязь жуткая переть начинает. Рвем друг друга в клочья, выкрикиваем что-то бессвязное, кусаемся, деремся, вспоминаем обиды. Значит, эта грязь и в нормальном состоянии есть – просто прячется.

Хочешь узнать, какой ты, – понаблюдай за собой в минуты усталости.
Кавалерия

Стоит по колено в воде юный Мокша. Поит пегов. Он любит смотреть, как они пьют, как фыркают, как после поднимают головы, как срываются с морд тяжелые капли. Разбегаются от капель круги, уносит их быстрым течением. Пегов три: Ширяй, Стрела и Птенчик. Ширяй пьет долго, вдумчиво, с ощущением важности того, что делает. Мощный жеребец, почтенный, уверенный в себе. Он и в реку вошел глубже других – почти по грудь. Бока его, принимая воду, раздуваются, как кузнечные меха.

Стрела переступает с ноги на ногу, то и дело оглядывается, воды же касается самыми кончиками губ, точно целует. Она беспокоится за Птенчика, своего жеребенка. Птен-

чик смешной, хвостик у него куцый. Не бежит, а прыгает, точно на пружинках. Заскочит в воду, испугается – и сразу назад. Под попоной торчком стоят маленькие крылышки. Мокша часто думает, что надо было назвать его Кузнечиком, да вот поспешили.

На песке, вытянув ноги, сидит Митяй Желтоглазый. Смотрит на суету на противоположном берегу. Много там людей – чисто как муравьи мельтешат. Топорами стучат, пилят, леса ставят, костры палят. Тянутся вдоль берега груженые подводы. Суета, крики. Оно и понятно: кремлевскую стену до неба возвести – не кабак построить. Тут десятком каменщиков не отделаешься. Важное это дело, княжеское.

Наискось впадает в Москву-реку веселая речка Неглинная. В треугольнике на высоком мысу – Кремль. Не так давно, всего лет триста тому, были здесь только ров, песчаный вал и деревянные стены. Подпирали их крюковые жерди. Убери подпорки – и завалятся стены, поползут от дождей бревна по крутому склону. Каждые двадцать-тридцать лет, как по расписанию, – пожар. Дотла выгорает город, выгорают деревянные стены. Где завалятся, а где стоят почерневшими головешками, ждут лишь толчка, чтобы осыпаться. Опять их возводят, расширяют, прирезают к Москве новые и новые куски. Как птица Феникс восстает из пепла обновленный город.

Много леса вокруг, есть из чего строить, да только сколь-

ко можно – горит и горит. От лучинки, от уголька, от опрокинутой лампадки, от неприятельской запаленной стрелы. Уж и из метрового дуба пробовали стены возводить, и насыпи делали – все едино. Надоело это московским князьям. При Дмитрии Донском потянулись из Мячково, из Дорогомилово подводы с камнем. Легко режется известняк, сноровисто работают мастера. И года не прошло – взлетели к небу сероватые стены. Как зальет их солнцем – вовсе белыми кажутся.

Митяй с Мокшей еще помнят Кремль тем прежним белокаменным красавцем – девять башен, деревянные кровли на стенах. Но вот теперь, уж год или два тому, началось новое большое строительство. Со всей Руси собрал князь Иван III мастеров. Красив известняк, да ломок. Не устоять ему против пушек. Заменяют его кирпичной кладкой, подводят насыпи, возводят прочные высокие башни.

– Ты сегодня ныряешь? – спрашивает Мокша.

Митяй кивает. Ложится на спину, смотрит в небо. Вокруг лесистые, зверьем кишащие холмы. Медведей – тех поменьше стало. Оттеснили их люди. Отошли они в глушь немыслимую – в Сокольники, в Раменки, в Сущево, затаились в тамошних чащобах, а вот пушных зверей, птиц, бобров – тех до сих пор море. Волки тоже озоруют. Редкий день не режут крестьянский скот.

– Я с тобой нырну, хорошо? – искательно спрашивает Мокша.

Из высокой травы кивнуть нельзя, а Митяю не хочется отвечать словами. Поэтому он поднимает ногу и утвердительно сгибает ее в колене. Мокша смеется. Вот так Митяй! Ногой кивнул! Он счастлив, он любит нырять с Митяем. Тот знает двушку как свои пять пальцев, а закладки – те просто нутром чует. Порой ему даже копать не приходится. Наклонится, поднимет обычный с виду камень, перевернет – а внутри плещет синевой цветок, горит сдвоенная ягода или золотится тонкий, с нитяной ножкой гриб.

– Как ты нашел?! – восклицает пораженный Мокша.

– Не знаю. Словно окликнул меня кто… Но сейчас мы не его ищем. Пусть подождет!

И Митяй заботливо возвращает камень на место, не забывая перевернуть его так, как тот лежал прежде.

Обычно ныряльщик выматывается на двушке за несколько часов, а Митяй порой там даже ночует, правда, зарываясь в листья или хвою, потому что и он все же человек. И болеет, и страдает как и все. Больше всего досаждает ему рана – лисий укус.

Лису раскопал в норе и подкинул в избу Кика Златовласый, неуемные ручки которого точно для того привешены к телу, чтобы доставлять всем беспокойство. Порой Мокша прикидывает, как было бы хорошо, если бы Кика родился вовсе без ручек. Какой бы он тогда был хорошенький, с кукольным личиком, как бы все его жалели! А то и кудри пшеничные, и румянец на всю щеку, и улыбка белее снега – а так

и тянет размахнуться и двинуть его со всей мочи. Со своей золотой пчелой Кика обращается ужасно. То в пироге ее запечет, то в угли закопает, а то наберет невесть где шершней, тарантулов – даже египетского скорпиона как-то выменял у заморских купцов на стрелецкую серьгу – и устроит в лукошке смертельный бой. Все интересно ему: существует ли на свете насекомое, которое одолеет его пчелу. Да вот только пчела у Кики не ему чета, драк не любит. Минуту-другую потерпит уколы скорпионова жала, а после развернется, лениво проползет насквозь стенку лукошка – и была такова.

С укусом же вышло так. Перепуганная лиса забилась за печь, а когда Митяй попытался ее вытащить – выхватила у него из голени кусок мяса. Хорошо так выхватила, с палец. Уж полгода прошло, а рана все никак не заживет. Не ступишь, не коснешься. Два раза Мокша слышал ночью, как Митяй стонет. Голень у наездника – место для укуса самое скверное. Как стиснешь ногами бока пега, когда на внутренней части голени открытая рана? Конечно, Митяй все равно ныряет, обмотав рану тряпицей, – да чего ему это стоит?

Хотя из-за этой раны, если вспомнить, и была принесена первая закладка. Мокша с его цепкой и жадной памятью до последнего слова запомнил рассказ Митяя:

– Привязал я Ширяя у гряды. Потащился вдоль скал. Нога болит так, что прямо хоть ножом ее режь и в кусты

бросай. В болоте о путлища растер. Вдруг вижу: трещинки на скале в одно место сбежались и по центру там подтек глины. Подошел я, поскреб лопатой – ничего. А как стал рукой щупать – полыхнуло чего-то ярко. Я чуть не ослеп. Вижу: алый виноградный лист, но не целый, а обрывок, а на нем – маленькая синяя улитка. Я в них так и вцепился. Отколол, держу в руке, а сияние всю ладонь охватило. Кожа алеет, по жилкам синие ручейки бегут… И понимаю я – не словами, а так как-то, – что рана моя сейчас затянется. Сил прямо с каждым мгновением прибавляется. Чувствую: еще чуток – и смогу по отвесной скале вверх взбежать.

– И что? Взбежал? Прошла рана?

– Нет, – грустно качает головой Митяй. – Сам видишь: до сих пор хромаю. Разжал я руку.

– Почему?! Зачем?! – чуть не кричит от обиды Мокша.

– Старика одного ясно так увидел. Прямо перед глазами вырос. Ты его знаешь: у Чудова монастыря милостыню просит. Ноги у него кругом в язвах. К крымчакам, говорит, в плен попал. Те продать хотели, да видят – хил больно. Не дадут цены, один прокорм дороже станет. Заставили его по углям пробежать, хлестанули нагайкой да и прогнали в степь. Думали, околеет, а он на карачках к своим приполз. Неделю полз.

– Прям так и неделю? Врет он все, – хмыкает Мокша. – Нищие вечно врут. Один тут тоже хвалился, что воин, в бою изранен, а после оказалось, что его брат родной косой

поперек лица посек. Не поделили чего-то.

Митяй не слушает:

– И понял я, что лист с улиткой надо этому старику отдать. Что для него он, а не для меня. И еще понял: что если себе возьму, не пустит меня больше заветный мир. Не смогу я больше сюда нырять: ни на Ширяе, ни на ком другом.

– И так и отдал?! Старику?! – охает Мокша.

Митяй смеется:

– Так и отдал. А перед тем в лопух завернул и в сумку поскорее сунул. И всю дорогу боялся к сумке прикоснуться, потому как очень уж хотелось у себя оставить. Не верил я себе.

Мокша потом нарочно ходил к Чудову монастырю глядеть того нищего. Старик, как и прежде, попрошайничал. Сделал себе костылики, язвы из давленых ягод навел – еще жальче вышло. Купчих прям слеза прошибала. Да только прочие нищие завистливо шептались, что бегает он теперь быстрее зайца. Затеяли тут двое его побить и кружку отнять: через плетень с ходу сиганул, даже ногой не задел. А плетень-то в рост человеческий!

Пеги наконец напились. Стоят пофыркивают, ждут. Птенчик уже пристроился сосать мать. Та сердито толкает его мордой. Нюхает. Он ухитрился вываляться в траве, где кто-то чистил рыбу, и рыбный запах Стреле не нравится.

– Пора нам! Идем, что ли? – говорит Митяй.

– Идем! – Мокша тянет Стрелу за повод.

Стрела – его кобыла, только его, и больше ничья. Он один на ней ныряет, хоть кое-кто и недоволен, что он забрал ее себе. Уж больно хороша и на крыло легка. По воздуху скользит – как по воде рисует. Ради нее он и Чалой изменил – уступил ее Сергиусу Немову. Фаддей Ногата втайне завидует, а Мещеря Губастый однажды раскричался, за грудки стал хватать. Хорошо, Гулк Ражий вступился. Гулк – мрачный, бесстрашный, один из лучших кулачников на Москве. Кулак как дыня. Сожмет – и то уже страшно, а как ударит – говорят, кирпич из печи может вышибить.

Птенчик еще не летает. Приходится вести лошадей в поводу. Митяй и Мокша жалеют, что не удалось попасти лошадей перед нырком. На правом берегу Москвы-реки – заливные болотистые луга. Хорошее место, травы сочные, вкусные, да только с разбором надо – того и гляди провалится пег по брюхо в грязь, изрежется осокой. Четыре века спустя здесь раскинется купеческое Замоскворечье, а пока что – травы, ручьи и множество птиц, вспархивающих, когда ведешь коня по лугу.

Митяй идет медленно. Прихрамывает из-за своей ноги. Ему бы на Ширяя забраться, но Мокша не садится, чтобы не утомлять Стрелу и дать ей побыть с жеребенком, и Митяй тоже не садится. Он не может так, чтобы в чем-то ему лучше было. Его совесть станет грызть, а он так не любит. Она у него грызучая, совесть.

Наконец добираются. Это еще, конечно, не тот ШНыр, что возникнет под Копытово. Копытово и вовсе еще не существует. На его месте – луга, леса и речушка, которая потом оскудеет в ручей. Да и главной охранной закладки пока тоже нет. И нерпей. И фигурок. И ведьмарей. А раз так, то и жить можно где угодно – лишь выбери место поспокойнее, чтоб крылатых лошадей от любопытных глаз укрыть.

Между двумя небольшими холмами, один из которых при строительстве кремлевских стен был глиняным отвалом, раскинулся большой пустырь. Из жителей Москвы и окрестных сел строиться на нем никто не пожелал, огородов тоже не заводили. Камни и глина – тут и репа не вырастет. А раз так, то никто здесь и не бывал. Разве иной раз забредет чья-нибудь отвязавшаяся коровенка. Потопчется, подумает, брякнет колокольцем и повернет назад.

Сейчас на пустыре, прижавшись к дальнему холму, стоят два больших сруба, соединенных перемычкой, вроде крытого зимнего хода. Каждый сруб клетей из трех, да еще с прирубом. Построено прочно, с заботой. Бревна первого сруба положены «в обло», с остатком, второго же – «в лапу», точно несколько хороших плотников соревновались между собой в мастерстве. Фундамента нет, но нижние венцы срублены из кондовой сосны и лиственницы. Такая полвека подгнивать будет – не подгниет. Под углы срубов подведены валуны, вдоль стен – стулья из обрезков толстых бревен. Тут же рядом – пегасня. Тоже крепко стоит, на века.

Пегасню и срубы окружает общий частокол. Здесь и колодезь, и пес-великан цепью звякает. Лает глухо, с раскатом – точно из пушки бьет. Крепость не крепость, да только при случае и отсидеться можно. Все новое, свежее, недавно отстроенное.

Года полтора назад, весной, случайно нашел это место Фаддей Ногата. Постоял, позыркал. Почесал грудь, почесал живот. Внешность у Фаддея такая, что раз увидишь – навек запомнишь. Волос на лице редкий, чуть с рыжинкой, но необычайно толстый. Он как-то равномерно опушает все лицо до самых глаз, но все равно непонятно, борода это или нет. Обычно такой порослью бывает покрыта спина у старых турок. Глаза были несколько навыкате: наглые, умные, как у судейского чиновника. Взглянет на секунду, вмиг все оценит – и сразу же взгляд свой страшный отведет и в землю воткнет, чтобы не выдать себя. Ноги кривые. Ходит вперевалку. Говорит басом. Одет в какие-то живописные лохмотья. Кика Златовласый дразнит, что он похож на спившегося писца. Сразу оценил Фаддей пустырь. И от глаз укрыто, и до города рукой подать.

Вернулся Фаддей – они тогда у села Воробьево жили, но не сразу сообщил остальным, что нашел хорошее место. Хитер. Знает, что не все захотят перебираться. Хлопотно это, мороки много, строиться надо. Все, конечно, переругаются, а ему, Фаддею, шишки. Нет уж! Тут иначе надо. Выждав денек или два, Фаддей осторожно буркнул при Мат-

рене Аляповой, что вот местечко есть там-то и там-то. И река рядом, и пегам приволье, и уединенное, да вот только ну его… Нам и здесь хорошо. Сказал это точно сам себе, в землю глядя, и ушел торопливо.

Ну а Матрена Аляпова – известное дело! Любой новой идеей увлечется скорее, чем ты ее до середины доскажешь. Ей бы только побольше преобразований. Чтоб топорики стучали, пилы визжали, чтоб все бегали, суетились – это для нее родная стихия.

Не ошибся Фаддей. Матрена сразу на Ночку свою вскочила и полетела пустырь между холмами глядеть. Вернулась через час и начала зудеть: «Перебираемся сию же минуту! Что нам в яме мокрой сидеть?» Ее урезонивали: «Какая мокрая яма? Чего напраслину городишь? Весной подмоет на недельку, а так – трава в рост, приволье». Понятное дело, споры начались – да разве Матрену перекричишь? Ты ей «пик» – она тебе «тра-та-та-та». Такая и эльбам в болоте зубы заговорит.

– Да погоди! Хоть до сенокоса подождем! – урезонивал ее Носко Гнездило.

– Нечего ждать! Я тебя знаю! Ты откладывать мастер! Сейчас говоришь «до сенокоса», а там заявишь – «до первого снега». Мол, все срубы разберем и на санях их вмиг домчим. А как снег выпадет – ты: «Ой-ой, чего по морозу пегов гонять! Печей нет, перемерзнем на новом месте. Давай весны ждать», – передразнивала Матрена так похоже, что все

хохотали.

Носко Гнездило вздыхал. Он знал, что единственный способ прекратить спор – перекинуть Матрену через плечо и отнести в сторонку, чтобы закрыть ей рот поцелуем. Причем и с плеча она будет кричать и размахивать руками.

– Да мы недавно только колодец закончили! Ты, между прочим, больше всех голосила, чтоб его копать! – возражал Мещеря Губастый.

– Вот и обнимайся со своим колодцем! – Матрена уже искренне не помнила, что и колодец возник как следствие ее порыва, как не помнила вообще обо всем, что было уже завершено. – Сидите в своей яме и лягушек в колодце разводите! А мы с Ночкой прямо сейчас туда летим! В поле будем спать! Землянку себе выкопаем!

– Да погоди ты! Не трынди! Тут сообща все решать надо, миром… – с досадой останавливал ее Фаддей. Он опасался, чтобы Матрена в самом деле не сорвалась и не улетела. Поживет три дня в поле, вернется вусмерть простуженной, да на том все и погаснет.

– Не буду годить! – бушевала Матрена. Ее укоризненный палец выцеливал Фаддея Ногату. – И ты, тихоня, тоже не хочешь никуда ехать! Ты главный подзуживальщик здесь сидеть, я тебя знаю!

Фаддей вздыхал и, пригорюнившись, застенчиво сгреб ногтями поросль на щеке. «Что ж со мной поделаешь, ежели я, будем говорить, такой домосед?» – говорил он всем своим

видом. Мещеря Губастый и Носко Гнездило ободряюще похлопывали его по спине.

Последнее слово, конечно, было за Митяем. Он неспешно, придирчиво осмотрел место, посовещался с Титом Михайловым, Мокшей, Гулком, тем же Фаддеем, который и здесь благоразумно остался в сторонке, и наконец принял решение, что да, перебираемся, чего уж. Митяй осторожен, нетороплив. Непросто Митяю со шнырами, ох непросто! Однажды, как все в очередной раз перессорились, сказал он Мокше в сердцах: «Вот ты говоришь: унимать! А как уймешь, ежели они слов не слышат? Будь я разбойничий атаман – дело другое. Дал кистенем в голову – и все дела».

Первое время, как их позвали золотые пчелы, чья колода – ульи появятся позднее! – стоит теперь у пегасни под охраной сердитого пса, все шныры были охвачены единым порывом. Дни и ночи проводили у пегов, чистили их, холили и всякую свободную минуту рвались в небеса: летать, летать. Ну а там ныркиначались – новизна, восторг, ощущение тайны и чуда. Причем не того чуда, в которое веришь больше разумом, услышав от кого-то и втайне сомневаясь, а чуда твоего, личного – постоянного, живого, каждодневного. Разгонишься на пеге, обхватишь руками его шею, прижмешься до боли, пронижешь расступившуюся землю – и вот оно, чудо, перед тобой. Хочешь – глазами смотри, хочешь – руками трогай.

Некоторые даже до лавок не доходили от усталости,

так и спали в пегасне на соломе. Ну а после попривыкли и к ныркам, и к пегам, первый восторг отскребся, потускнел, как тускнеют со временем золотые пчелы. Чудо стало привычным, почти потеряв ранг чуда, и тогда начались трения. Люди, даже самые неплохие, не могут без того, чтобы не ссориться из-за всякой ерунды. Семья – еще туда-сюда. Из семьи, как из дубовой бочки посреди моря, никуда не убежишь, а вот если не семья… Не просто трудно – безумно трудно терпеть друг друга, особенно если долго находишься рядом.

– Я понимаю, что он хороший! Я тоже очень даже неплохой! Но почему он ковшик берестяной никогда на место не кладет? А? – жаловался Сергиус Немов на Ивашку Кудреватого.

– Да он мне самому нужен, ковшик-то! – горячился Ивашка.

– Я ж не спорю, что нужен, но на место-то его вертай! Шестик-то зачем торчит?

– А ты седельную сумку мне изодрал – хоть в выгребную яму бросай!

– Не я изодрал, а пег изжевал!

– А ты за пегом своим следи!

И пойдет перебор до последней косточки, до последнего зажиленного гвоздика. Где двое, там всегда и третий впутается, четвертый начнет всех успокаивать да до того доуспокаивается, что рубашку на себе порвет и головой бу-

дет в печку стучаться. Беспокойная Матрена, конечно, на этот стук сразу явится со своим «тра-та-та» и до того довоюется, что ей ведро на голову нахлобучат. За Матрену Носко вступится – и пошло-поехало: хорошо, если без драки обойдется… После кинутся все к Митяю – да что может Митяй? Всем шнырам личные ковшики раздать? Так и кроме ковшиков всегда повод отыщется. После, конечно, помирятся все, да трещинка-то не скоро срастется. Недаром говорят мудрые: «Люби людей как себя, да берегись их больше огня!»

Ближе к вечеру Митяй с Мокшей ныряют. Митяй, как всегда, на Ширяе, Мокша – на Стреле. Проходить болото вдвоем сложнее, чем одному. Тому, кто летит первым, в тоннеле все же полегче. Не все эльбы успеют натянуть охотничьи паутинки. Пока спохватятся, пока подползут, а ныряльщик уже промчался дальше – туда, где крошечной искоркой сияет выход на двушку. Второму же сложнее. И эльбы готовы, и паутина ждет.

Выходит, вперед надо того ныряльщика пустить, у кого опыта поменьше или пег слабее. Да только не положено у пегов слабому вперед сильного лететь. Слабый конь будет в тоннеле упрямиться, оглядываться, опасаться, что его зубами за круп хватанут. А тем временем и седок испарениями болота надышится. Покажется ему, положим, что покойная бабушка блинков напекла. Прыгнет он с седла в болото, а перед тем пега остановит. А если он застрял, то

и тому, кто сзади летит, пропадать. Узок тоннель. В нем не разойдешься.

Так методом проб и ошибок выработалась единственно верная тактика. Сильному нужно лететь вперед, причем предельно быстро. Слабый же, не отставая, должен нестись за ним как камень из пращи. Так нестись, чтобы нос его пега буквально прирос к хвосту вожака. Тогда болото как по маслу пройдешь. Опять же, когда отстать боишься, меньше времени остается бабушек с блинками разглядывать.

Раньше, когда Мокша нырял на Чалой, сложностей не возникало. Со Стрелой же все было не так просто. Конечно, Стрела идеальная кобыла, мечта любого наездника. Пластичная, умная, стремительная. Почти во всех смыслах лучше Чалой. Чалая и тяжеловата, и крылья у нее поменьше, и устает скорее, и в животе у нее как-то смешно бурчит, точно там ручеек камешки считает. И привычки у Чалой такие, что иной и не поверит, пока сам не увидит: мышат ест и птенцов. Найдет где мышонка или в траве птенца отыщет – мягкими добрыми губами втянет и стоит с задумчивым видом, точно вслушивается в себя. Не чирикает ли во мне воробышек? Не пищит ли мышка? Да вот только смешная Чалая за Ширяем последовала бы куда угодно: в колючки, в воду. Прыгни Ширяй в огонь – Чалая и туда бы за ним скаканула. В болоте Чалая от Ширяя и на сажень не отрывалась, как приклеенная проходила, хоть повод бро-

сай. Если существуют кобылья любовь и доверие, то это то, что у Чалой к Ширяю. Для пегов же, ныряющих парой, доверие – первейшая вещь.

Стрела же к Ширяю относится совсем иначе. Она сама себе царица. Куда хочу лечу, чего хочу ворочу. Прирастать к его хвосту она уж точно не собирается.

В ту сторону, хоть Стрела и скучала по жеребенку, прорвались легко. У Мокши был секрет, как проходить болото. Секрет простой: чтобы не попасть в сети осклизлых карликов, надо упорно думать о чем-то своем. Все равно о чем, но очень настойчиво, ни на что не отвлекаясь. Когда Стрела неслась через болото, Мокша прижимал подбородок к груди и, не отрывая взгляда от ушей лошади, повторял про себя: «Какая чудесная грива!»

Уродцы, правда, и тут подбирают ключик. Уже на выходе из болота Мокша, в сотый раз восхитившийся гривой, вдруг понимает, что она целиком состоит из шипящих змей. От неожиданности Мокша бросает повод, взмахивает руками и, запястьем задев охотничью паутинку эльба, едва не вылетает из седла. От ужаса он кричит, зачерпнув легкими испарения болота, но тут Стрела с отчаянным ржанием рассекает паутину крылом, и они прорываются. Разгоряченное лицо Мокши вразумляюще обдает свежим ветерком двушки.

– Все! С гривами пора завязывать! На обратном пути буду восхищаться ушами. Ухо-то небось в змею не превра-

тится! – говорит он себе.

Они плывут сквозь вечный рассвет. Все здесь застывшее, неподвижное, даже сумрачное, но воздух дразнящий. В нем разлита неясная радостная тревога. Ожидание. Надежда. Мокша не может объяснить точнее, даже не пытается – ему довольно ощущения. Под ними море склоненных сосновых вершин. Впереди одеялом тумана укрытая даль, за которой угадываются Скалы Подковы.

Митяй придерживает Ширяя, чтобы оказаться рядом с Мокшей. Кричит, вытягивая руку вперед. Мокша видит, что его спутник показывает на одинокий голый холм посреди густого леса, похожий на бритую макушку ксендза. Приметное место, вот только от гряды далеко. Мокша удивлен. Закладок здесь не отыщешь. Хотя Митяй не всегда ищет закладки. Ему больше нравится просто познавать двушку, бродить по ней как по заповедному лесу. Дышать ее воздухом, зачерпывать глазами, впитывать ушами ее звуки. А закладки… они и сами отзовутся.

Они садятся на холме. Привязывают пегов к кривой сосне, которая, отбежав от леса, походит на одинокий волосок на проплешине.

– Зачем мы сюда? – спрашивает Мокша.

Митяй плюхается на траву. Лежит, смотрит вверх. Так лежать и смотреть он может часами. И о чем при этом думает – неизвестно.

– Скоро узнаешь! – таинственно обещает он. – Хочу те-

бе кой-чего показать! Никому не показывал… Ни Титу, ни Сергиусу – ты первый.

– Что показать?

Митяй улыбается в небо. Не спешит.

– Двушка огромна, – говорит он. – Нам кажется: мы ее знаем… Смех! На самом деле мы знаем вот такой вот кусочек. Словно иголочкой пирог кольнули.

– Как не знаем? А гряда? – спрашивает Мокша.

Митяй пожимает плечами. Мокша угадывает это движение по шевелению травы.

– Что первая, что даже вторая гряда – это как каемка на блюде. Знаешь, гончар иной раз кончиком ножа две бороздки для лепоты проведет? Нас на само блюдо не пустили еще, а только на его краешке поползать.

– А что ты видел за второй грядой? Расскажешь? – жадно спрашивает Мокша.

Всем шнырам известно, что однажды Митяй уже побывал за дальними синеющими горами. Двушка пропустила его во второй его нырок. Сам Мокша тогда отказался от нырка, побоявшись разбиться, и теперь очень об этом жалеет. Иной раз в кровь губы кусает. Да только прошлого не воротишь.

Митяй долго молчит. Потом отвечает, но осторожно очень отвечает, нашаривая слова. О том трепетном нельзя иначе, он это чувствует.

– Лепо там очень… Захлебнулся я от лепоты! А вот опи-

сать не могу. Слов у нас таких нету. Точно в раннем детстве с маминых рук: мелькает кругом тебя что-то цветное, прекрасное – а что? зачем нужно? как называется? Пытаешься лишь понять: доброе оно или нет.

– И как? Доброе?

– Доброе, – убежденно отвечает Митяй. – Очень доброе.

– А почему других не пускает, если доброе? И тебя лишь раз так далеко пустило? – Этого Мокша понять никак не может.

– Не знаю, – отвечает Митяй. – Значит, нужно так… И… – тут он словно сомневается, говорить или нет, – не один раз меня за вторую гряду пускало. И другой раз тоже был.

– Когда?! – выдыхает Мокша.

– Идем! Об этом потом!

Митяй легко вскакивает, оглядывается на Мокшу и, поманив его за собой, бежит. Мокша не отстает. Они поднимаются на вершину холма. Мокша запыхался, вытирает со лба пот. Митяй все так же свеж. Он садится на корточки, раздвигает траву, и Мокша видит большой плоский камень. Рядом с камнем – молоток и несколько зубил разного размера.

– Твердый очень, трудно высекать! – жалуется Митяй. – Так я каждый раз сюда на часик залетаю… Постучу и оставлю.

Мокша склоняется над камнем. На нем много стара-

тельно высеченных фигурок. Не все удались Митяю в равной мере. Все же он не скульптор, не резчик по камню, хотя мало у кого из скульпторов или резчиков нашлось бы столько увлеченности и рвения. Местами заметны лишние сколы, а кое-где и сам камень имеет пустоты и вкрапления. Это сдваивает ошибки, усиливая шероховатость работы. Мокша начинает разглядывать фигурки, от края камня к центру. Рядом неуютно переминается с ноги на ногу Митяй. Переживает. Все-таки Мокша первый, кому он это показывает. Мокша узнает русалку, льва, который отличается от кота лишь наличием гривы и треугольными зубами; вот бородатый кентавр, а вот и птица с женской головой – сирин.

Мокше не надо притворяться. Он увлечен не меньше самого создателя фигурок. Мелкие огрехи его не смущают. Так увлечен, что даже не пытается хвалить – все отражается у него на лице.

Кентавр, сирин, русалка и лев расположены ближе к краям. В центре же камня, через довольно приличный промежуток, расположены другие фигурки. Их семь.

– Сокол? – угадывает Мокша. – Рука? Голова кабана? Череп?.. Ох, страшный какой! А это кто? Еще одна кошка?

– Гепарда сие, зверь заморский! Голова у гепарды как у льва, а тело собачье! Бежит, бают, по пустыне зверь гепарда – аж земля дрожит, и сглатывает за раз до семи верблюдов! – с авторской обидой говорит Митяй. Еще бы! Обо-

звать кошкой чудище, которое съедает до семи верблюдов! Мокша, как и Митяй, никогда живьем гепарда не видел, и в глазах у него мгновенно появляется надлежащее почтение:

– А это кто с крылами?

– Нетопырь, – объясняет Митяй.

Мокше хочется узнать у Митяя, зачем он сделал эти фигурки, но любопытствовать неудобно. Еще бы! Ты старался, высекал, быть может, не одну неделю, а кто-то походя полюбовался, а потом – раз! – вопрос в лоб: ну и зачем это все надо было?

Однако Митяй и так угадывает незаданный вопрос. Он отбегает шагов на двадцать и, отыскав что-то в траве, нетерпеливо манит к себе Мокшу. Тот тоже хочет подбежать, но внезапно у него начинает кружиться голова. С бега он переходит на шаг, а потом и вовсе останавливается, прикрыв лицо сгибом согнутой в локте руки. Стена горячего воздуха преграждает ему дорогу. Мокша чувствует, что еще шаг – и он сварится, как яйцо в кипящей воде. Дышать и то горячо. Он втягивает воздух осторожно, носом, и то и дело недоверчиво ощупывает свои брови: не сгорели ли? не опалились?

Митяй сидит на корточках и никакого жара не ощущает. Рядом с ним в траве лежит большой тусклый самородок. «Не золото. Серебро, да и то с примесями. Вон перекорежило его как», – прикидывает Мокша.

Митяй проводит по самородку рукой, гладя его:

– Нравится, да? Я принес его со скал второй гряды. На огромной высоте отыскал, на козырьке скалы. Сам не знаю, что меня туда потянуло. Поднялся на такую высоту, что и дышать нечем, а тут этот самородок. Я его хвать – и на седло! Едва довез! Ширяю тяжело очень было… А тут еще видения начались – точно сон наяву… Провалюсь куда-то, потом очнусь и понимаю, что мы еще летим… Кругом облака, облака – и снежные шапки на гряде… Потом опять провал – и картинки какие-то мелькают. Словно объясняют мне, что я должен сделать.

Голос у Митяя звучит неловко. Он словно оправдывается, что произошло это с ним, а не с Мокшей.

– И что ты должен сделать?

Мокша отходит на полшага, чтобы горячий воздух не так обжигал лицо.

– Отлить фигурки. Много. Каждой, наверное, по сотне, а то и больше, насколько самородка хватит, – объясняет Митяй. – Лев, кентавр, русалка, сирин… Кентавр – это переговариваться можно будет вдали… Русалка – чудеса. Сирин – тут исчез, в другом месте появился. Ну в пределах одного мира, конечно. Лев – сила.

– А ты сам их сочинил?.. Ну, фигурки? – перебивает Мокша, которому хочется выдумать что-нибудь свое. Какую-нибудь фигурку-самострел, которая единым махом семерых побивахом, или что-то в этом духе.

– Льва, кентавра, сирина, русалку придумал я. А их свой-

ства – уже не я. Их я увидел, когда в облаках летел. А дальше мне нужны были фигурки для силы, для чудес и для другого всего. Ну я и подыскал то, что больше подходит. Ведь кто сильнее льва? Разве что зверь элефант! Понимаешь, да? – говорит Митяй.

Мокша понимает. Понимать, причем быстро, почти мгновенно, по каким-то сигнальным словам, даже просто считывать молчание – его дар. К тому же он слегка опасается, что Митяй будет распространяться об элефанте. Сколько верблюдов он съедает и как крушит своим ревом крепостные башни. Он это любит.

– А те, другие фигурки? – говорит Мокша, опережая рассказ. – Рука? Нетопырь? Кабанья голова? Почему ты их в центре камня высек? Вон на краях еще сколько места!

– Чтоб не плеснуть случайно, когда эти отливать буду. Оно, когда раскаленный металл льешь, не очень-то прицелишься, – объясняет Митяй.

– А что дурного, если и плеснешь?

– Нельзя. Те семь фигурок надо из другого самородка отлить. И всех только по одной! Да там на больше и не хватит!

– Из другого самородка? – удивляется Мокша. – Из какого другого?

Лучше бы он об этом не спрашивал. Митяй делает к нему шаг, протягивает руку, и Мокшу внезапно отбрасывает, точно пег лягнул его копытом в грудь. Мокша лежит на

земле – мокрый, жалкий – и дышит, как выброшенная на берег рыба. Хорошо, что Митяй остановился, потому что, сделай он еще пару шагов, мозг Мокши вскипел бы, а глаза сварились бы вкрутую.

В руках у Митяя самородок. В сравнении с первым он совсем небольшой. И тоже тускловатый, с примесями. Касаясь ладони Митяя, самородок временами вспыхивает, да так, что Мокша слепнет. Мокша трет глаза, запоздало соображая, что прежде подойти ему мешал не большой самородок, а этот, которого он даже не заметил, потому что все время смотрел на другой.

Заметив, что стало с Мокшей, Митяй торопливо отступает.

– Вот из этого! – объясняет он. – Тот я на козырьке второй гряды нашел, а этот – ЗА второй грядой. Из него я отолью семь фигурок. Череп последним буду отливать, а то, боюсь, не хватит. Промахнулся я слегка с размерами… И как отолью, уже не будет такого жара, как сейчас. Почти всякий взять сможет. Это я точно знаю, не волнуйся.

Мокша садится, отирая со лба пот. Ему до боли обидно. Митяй трогает самородок как ни в чем не бывало, держит его, а он, Мокша, распластался на земле, как раздавленная лягушка. Зависть разливается в крови и сосет его как червь. Это новое для Мокши чувство. Раньше он его не знал.

– Ты бы взял их в наш мир, – советует он Митяю, пытаясь раздавить этого червя, пока он не разрушил их друж-

бу. – Только представь, чего будет стоить два самородка здесь расплавить. Нужны кузнечные меха, уголь, клещи. А тут где это взять?

– Знаю, – вздыхает Митяй. – Тут мне одному на год возни. Придется Мещерю о помощи просить: он с детства при кузне. Отец, дед у него кузнецы. Он и сам кузнецом бы стал, если б не золотая пчела. Говорит: «Бросил я ее в раскаленный металл, а она знай себе ползет да от капелек отряхивается». Он как это увидел, сразу все бросил и за пчелой пошел. Так и оказался у нас.

– Так, может, протащим самородки через болото? – предлагает Мокша.

– Нет, – качает головой Митяй. – Ничего не выйдет. Я прикидывал. Большой самородок через болото не протащить: тяжелый. А с маленьким в наш мир вообще нельзя.

– Отчего?

– Он из-за второй гряды. Если окажется в болоте, стенки болота не выдержат. Болото лопнет, и вся эта жижа хлынет.

– Куда? Сюда?

– Сюда не сможет. Хлынет в наш мир. И уродцы тоже у нас окажутся. А они давно, очень давно этого хотят – с тех пор как их мир протух.

– Ты точно это знаешь? – спрашивает Мокша.

– Да, – отвечает Митяй. Лицо у него серьезное, почти торжественное. – Я ведь тоже собирался маленький само-

родок с собой провезти. И вдруг словно наяву все увидел. Болото лопнет как чирей и затопит Межмирье, а оттуда и к нам прорвется… И потом, когда однажды двушка полыхнет светом, открыв свои границы – а это обязательно случится, только не знаю когда! – уродцы отравят и этот новый, чудесный мир, который нам подарят! Потому что они умнее, злее и хитрее нас. И они знают, как слиться с нами так, чтобы уцелеть.

– То есть этот самородок, получается, очень нужен болоту? – уточняет Мокша, с недоверием разглядывая его издали.

– Да. – Митяй подбрасывает его на ладони. – Мертвый мир за него все даст. Все свои знания. Да только, знаешь, я как-то не рвусь их получать. Мне нужны эти деревья, этот холм, вон та вот скальная гряда… А знания… да что в них толку, если ты сидишь потом закупоренный в болоте?

Больше они о самородках не говорят. Митяй относит их подальше в траву, чтобы Мокша смог подойти, и продолжает высекать свои фигурки. Сидит и осторожно тюкает молоточком по зубилу, изредка слюнявя палец, чтобы убрать крупные осколки.

– Седло? Нет? – угадывает Мокша, вглядываясь в его работу.

Митяй дует, очищая фигурку изнутри, и пыль попадает Мокше в глаза. Мокша моргает.

– Да, – отвечает Митяй. – Седло.

– А почему странное такое? Задняя лука как трон. Пег будет крыльями задевать.

Митяй перестает тюкать. Ручкой молотка чешет переносицу. Ладони у него в каменной пыли, и ручка молотка подходит для этого лучше всего.

– Это не для пега седло.

– А для кого?

– А я не знаю… – отвечает Митяй, как сладость за щекой содержа в голосе мечту. – Для кого-то другого крылатого! Не одни же пеги летают? Мне казалось, я еще кого-то видел там, за второй грядой.

– Кого? – жадно спрашивает Мокша.

– Далеко было. Не разглядел я, но не пеги! Пегов я и издали узнал бы. А эти другие – легкие, быстрые, глазом едва уследишь! А седло – оно любого приручит! Как гепарда!

Мокша не может понять, зачем было делать две схожие фигурки:

– А разница какая между седлом и гепардой? Есть она?

– Огромная! – Митяй начинает горячиться. Смешные бугорки прыгают над переносицей. – Гепарда – это толмач! Хочешь – волку что-то объяснит, хочешь – ягненку, а захочешь – даже кузнечику! А седло – это как царская корона, понимаешь? Прикоснись к одному – и все другие тоже твои!

– Князь лягушек или цезарь мышей, да? – дразнит его Мокша.

Он, конечно, сразу разгадал, зачем Митяю нужно это

седло: чтобы не только пеги были у них, но и те, другие крылатые существа, которых он видел издали. Митяй влюблен во все новое, жаден ко всему неведомому. Оттого у него и тяга к львам и элефантам, а описание иного неведомого животного из «Книги Иова» он знает наизусть: «поворачивает хвостом своим как кедром; ноги у него как медные трубы; кости у него как железные прутья»[1].

Митяй опять начинает тюкать молоточком и тюкает долго, больше обещанного часа. Мокша бродит вокруг пегов, спускается с холма, опять на него взбирается и тайком утирает со лба пот. Это уже не от близости самородка. Время его пребывания на двушке постепенно подходит к концу. Митяй замечает это и с сожалением кладет молоток на землю.

– Ладно! – вздыхает он. – Полетели! Сегодня еще раз вернусь!

– Сегодня? Второй нырок? Без отдыха? – переспрашивает Мокша.

– Ну да. А чего такого-то?.. – не понимает Митяй. – Думаешь, Ширяй устал? Ну на другого пега пересяду.

---

[1] Животное это называется «бегемот», а вот дальше начинается путаница, потому что многие ученые и теологи сомневаются, что бегемот и гиппопотам – это одно и то же. Эти названия были объединены только в XIX веке, да и то без должных оснований. Гиппопотама («водную лошадь») древние иудеи, долго жившие в Египте, разумеется, много раз видели. «Бегемот» же на их языке означает совсем другое: «гигантский зверь» или «неведомое чудовище». Да и нет у бегемота хвоста-кедра. Хвостик у него короткий.

Он искренне не видит здесь ничего особенного. Для вымотанного же Мокши это звучит так, как если бы греческий воин, пробежавший марафонскую дистанцию, чтобы сообщить о победе, не умер бы на месте от усталости, а заявил бы, что ему надо забежать еще в пару городов.

Мокша садится на Стрелу, Митяй – на Ширяя, и они летят назад. С приближением болота червячок зависти опять начинает шевелиться в крови у Мокши. Он любит Митяя – да, любит, – но почему он сам не такой же? Почему самородок не подпускает его? А вторая гряда? Почему его шатает от усталости, когда Митяй такой свежий? У него что, пчела другая? Или двушку он любит не так сильно, как Митяй? Ну а как ее любить? Вопить «люблю-люблю-люблю», когда этой любви не испытываешь? Или принуждать себя, как это делает Маланья Перцева, которая до дрожи боится пегов, но уверяет всех, что их обожает. Мокша как-то видел, как Маланья ныряет. Трясется вся, в гриву вцепилась, на приближающуюся землю смотрит как человек, которого скинули с колокольни. И что, будете говорить, что ей на двушке хорошо? Ей бы поскорее вернуться к своей стряпне да спрятаться за занавеску у печки!

Вот и граница миров. Вершины сосен подергиваются дымкой, и начинает нечетко проглядывать бурлящее болото. Митяй с беспокойством оглядывается, подавая отставшему Мокше знак держаться поближе. Тот бы и держался, да Стрела не желает. Не слушая шенкелей, она забирает то

выше, то ниже. Ей не хочется в болото.

Митяю уже поздно останавливаться. Ширяй набрал хорошую скорость. Он пронизывает границу и вскоре уже несется по тоннелю. Мокша, наконец справившийся с фокусами Стрелы, спешит за ним. Ему не хватает разгона, и он быстро начинает отставать от Митяя. Вскоре тот уже едва виден. Крылья Стрелы с усилием разрывают ловчие паутинки эльбов. Сколько же их! Видно, как они блестят впереди.

Мокшу захлестывают воспоминания, тоска, обиды. Со дна поднимаются синие утопленники подозрений. Он понимает вдруг, что Митяй потому так далеко ныряет, что зимой, когда пчелы живут впроголодь, отбирает мед у других пчел и отдает его своей пчеле! Да, точно, вот она, разгадка! Гадина какая! А еще чистеньким прикидывается! А он-то, Мокша, голову ломал, почему Митяй не такой, как все! А еще Митяй забрал себе лучшего пега, Ширяя! И где-то прячет самые сильные закладки, отбирая их у остальных! Старика от язв на ногах исцелил! Ха! Еще неизвестно, существовали ли вообще те язвы!

Мокша пытается сопротивляться этим мыслям, но эльбы только того и ждут. Чем сильнее Мокша возражает, тем шире открываются у него на Митяя глаза. Например, Мокша пытается возразить, что Митяю абсолютно ничего не надо, он спит на потнике, укрываясь старым тулупом, и тотчас понимает, что в тулупе зашиты золотые моне-

ты и самоцветные камни. Он даже вспоминает, как однажды видел в руках у Митяя иголку с ниткой, а на коленях – тулуп и как Митяй смутился и быстро их спрятал…

За стенками тоннеля шевелятся страшные существа. Здесь и карлики с пылающими глазами и пальцами-корнями, и какие-то медузы, и кучи серых живых тряпок. И все это, предчувствуя добычу, давит друг друга, беспощадно пожирает, расталкивает, и каждое спешит выбросить свою паутинку.

Паутинки пока рвутся, но Стрела выбивается из сил. На боках у нее пена. Фигурка Митяя впереди становится крошечной точкой. Будь он проклят! Почему он не разворачивает своего пега? Тоннель узкий? Ха! Не лети Митяй первым и не предупреди их, проклятые уродцы не успели бы натянуть столько паутины! Да и почему они уродцы? Настоящий уродец Митяй, а эти бедные создания просто заточены за стенкой своего задохнувшегося мира. Он, Мокша, их прекрасно понимает, потому что ему тоже плохо и больно!

Мокша ощущает себя брошенным и преданным. Понимая, что все пропало, он обхватывает руками шею измученной Стрелы и, бросив поводья, отдается полностью на ее волю. Конечно, благороднее было бы вообще свалиться с седла, чтобы лошадь могла спастись, но тут уж нет, не дождетесь… Мокша прижимается лбом к гриве Стрелы, зачерпывает из нее спокойствие и простое, лошадиное отношение к жизни – и ему неожиданно становится легче. Пау-

тинки все так же цепляются, но рвутся как гнилые. Митяй становится вдруг как-то не важен. Пусть, в конце концов, делает что хочет! Плевать!

Стрела начинает ускоряться. Она измотана почти до предела, но еще способна на усилие. К тому же ее ждет жеребенок. Мокшу подташнивает. Он дышит через гриву и ждет, когда проклятое болото останется позади. И даже чувствует уже, что выход из него близок! Внезапно Стрела задевает крылом прочную паутину, которая не рвется сразу, но натягивается. Стрелу заносит в сторону. Мокша цепляет ногой стенку болота. На миг ощущает ее осклизлость и тотчас проносится дальше, потому что паутина уже порвалась. Несколько секунд спустя они выходят из болота, пронизывают дряблое Межмирье и с толчком выходят из ныря.

Внизу отблескивают знакомые петли Москвы-реки. Она поднимается сперва горкой, потом ступеньками, затем двоится и начинает крутить и петлять. Мокша устало, как-то независимо от себя, думает, что Москва-река похожа на ужа. Однажды он видел, как длинный уж греется на солнце – так вот, это была вылитая Москва-река. Прямо под Мокшей, правее передних копыт Стрелы, летит Митяй Желтоглазый. Задирает голову и, приложив ладонь козырьком к глазам, кого-то высматривает. Замечает Мокшу и радостно машет рукой. Почему-то эта радость Митяя раздражает Мокшу, хотя мороки болота уже рассея-

лись. Теперь он уже не считает, что в старом тулупе Митяя зашиты самоцветные камни.

Стрела догоняет Ширяя, затем опережает его и спешит к жеребенку. Ей не надо указывать дорогу – она знает ее сама. Она летит – и солнце с ветром подсушивают пену на боках, превращая ее в сероватую тающую корочку.

Час спустя Стрела давно уже у Птенчика. Митяй Желтоглазый торопливо ест, собираясь в новый нырок. Только Митяй и Тит Михайлов способны обедать сразу после нырка. Другим крошка в горло не полезет. Мокша тоже относится к этим другим. Он бродит вокруг пегасни, вспоминая все, что было на двушке, и внезапно что-то ощущает в голенище правого сапога. Камешек туда, что ли, забился?

Стащив с ноги сапог, Мокша вытряхивает его. На землю падает что-то крошечное, живое, точно вылепленное из грязных, выпачканных в глине тряпок. Корчится, силится уползти, выпускает отростки, похожие на ручки.

Маленький эль! Почти личинка!

Мокша брезгливо заносит сапог, собираясь раздавить, но отчего-то медлит. Садится на корточки и начинает разглядывать. Вспоминает, как зацепил сапогом стенку болота и как нога на миг провалилась внутрь, хотя, говорят, стенки болота крепче алмаза. Существо корчится на траве. Ему больно. Солнце опаляет его, высушивает.

Чем дольше Мокша смотрит, тем больше привыкает. Существо, если разобраться, не так уж и уродливо. Жалкое

и маленькое, оно не кажется таким уж опасным. Некоторое время Мокша размышляет, что делать с ним дальше. В траве валяется старый горшок. Мокша берет его и палочкой заталкивает эля внутрь. Случайно он касается его сгибом пальца и, не успев испугаться прикосновения, ощущает удовольствие, которое трудно с чем-то сравнить. Пожалуй, это даже приятнее, чем гладить жеребенка или зарываться носом в волосы любимой девушки.

«Оставлю! Это детеныш, и он пока безопасен! А когда подрастет, закину его назад в болото», – решает Мокша. Тут все любят секреты? Что ж, пусть и у него, у Мокши, будет своя тайна, раз Митяй во всем превосходит его!

– Эй, Мокша! Что в горшке? Кашку из песочка варишь? – задорно кричит кто-то.

На пороге пегасни стоит Сергиус Немов – высокий, длиннорукий, веселый, с торчащими выгоревшими волосами. В руках у него вилы. Мокша вздрагивает.

– Ничего! Отстань! – торопливо кричит он и, прижав к груди горшок, ныряет в кустарник. Он идет быстро, почти бежит и все время трусливо оглядывается. Между ним и элем впервые возникает единение. Они оба напуганы, оба убегают.

Самое смешное, что Сергиус Немов и не думает ни за кем гнаться. Он пожимает плечами и исчезает в пегасне.

Глава вторая
Песочная гиела

Каждый писатель для меня вроде как бы сумасшедший. Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт.
Корней Чуковский

В дверь одиночно стукнули, и сразу же просунулась любопытная голова первоубитого Гоши. День или два назад он ухитрился покрасить волосы в синий цвет, а сбоку у него была завязанная ниткой прядь – мышиный хвостик. Сегодня Гоша был в желтой футболке, на которой было крупно написано: **«Самый замечательный человек на свете находится под этой майкой!»**

– Рину можно? – спросил самый замечательный человек на свете.

– Я за нее! – отозвалась Рина, сидящая на кровати и болтавшая ногами. – Чего тебе?

Гоша молча сунул руку под футболку и извлек толстую тетрадь:

– Вот! Тебя Суповна зовет! Поставь галочку, что я тебе передал!

Рина послушно расписалась.

– И время, пожалуйста!

Рина проставила время. Пока она смотрела на часы, Фреда у нее за спиной хрюкнула от смеха. Гоша всех уже достал этой своей тетрадью. Целыми днями он бродил по ШНыру и всем передавал поручения.

«Распишись, что я передал тебе, чтобы ты в пегасне убрался!» – требовал он. «Поставь галочку, что ты предупрежден, что оставлять после себя в душе болото – свинство!», «Подтверди закорючкой, что я был с тобой вежлив и сказал тебе «спасибо»!»…

– Это же глупо! – стонали все.

– Пусть глупо! – говорил Гоша. – Зато раньше все отнекивались, что я им что-то передал, а теперь полная ясность! Вот галочка! Вот подпись!

– Все! Написала! – Рина вернула Гоше тетрадь, но он остался на месте. Видимо, ему велели привести ее лично.

Пока Рина обувалась, Гоша зыркал любопытными глазками по столу и подоконнику. Проверял, нет ли где утащенной столовской посуды. Если бы нашел – можно было бы устроить небольшое вымогательство. За ножкой кровати он углядел неуклюже спрятанную знакомую тарелку.

– Чья кровать? – спросил он с предвкушением шантажа.

– Алисы, – ответила Рина.

Гоша померк. Связываться с Алисой было опасно. Она могла легко шарахнуть в него пнуфом, а потом сказать, что у нее не в порядке нервы.

– Ладно, – вздохнул он. – Пусть Суповна разбирается! Идем!

Рина пошла за Гошей. Пока они шли, Гоша делился свежими новостями. Этот ненырявший шныр, проводивший большую часть дня на кухне, ухитрялся знать абсолютно все. Видимо, кухня – это как перекресток дорог, куда невольно стекаются все человеческие потоки и, разнеженные сытостью, начинают безостановочно болтать.

– Небо вокруг ШНыра забито гиелами! Четыре двойки!.. – сказал Гоша.

– Зачем столько?

– Меркурий говорит: у них учения. Тилль обкатывает. Новых берсерков. А где их обкатывать. Как не вокруг. ШНыра? – Передавая слова Меркурия, Гоша невольно воспроизвел и его интонацию.

Рина хмыкнула.

– Новость намбер ту, – продолжал Гоша. – Вовчик отправился показывать симпатичной дачнице пруд. Помог ей донести удочку и двух червяков, а по пути героически защищал ее от улиток. А тут навстречу им Окса по заданию Кузепыча тащит из хозмага два ведерка краски. В общем, Вовчик теперь свежеокрашенный.

– Мда. Высокие отношения, – сказала Рина, соображая, что, значит, Вовчик сегодня будет весь день отмываться и точно не поведет в Копытово Фантома. Да и Окса, скорее всего, забастует. Значит, вести ослика к писателям пошлют

их с Сашкой.

Вообще Вовчик, как считала Рина, был тот еще персонаж. У него оказался абсолютный иммунитет против таланта. Другой бы, водя Фантома столько, сколько он, написал бы уже четыре повести и подбирался бы к роману. Вовчик же, даже нагладившийся Фантома по самое не хочу, способен был только на двустишия.

Но это, может, и хорошо. Поэт срывает цветы жизни, прилагая для этого значительно меньше усилий. Писатель напишет роман, посвятив его возлюбленной, и либо навеки с ней рассорится, либо она будет ставить на рукопись чайные чашки, после которых круглые мокрые следы остаются не только на бумаге, но и на душе. Другой награды он не дождется. Поэт же гораздо счастливее. Сердце любой девушки разлетается вдребезги, когда берешь ее за руку и тихо произносишь: *«Ты прекрасна люлюлю! Люблю Анечку мою!»* И все. Точка. Дальше уже можно стихов не сочинять, а непосредственно переходить к получению гонорара.

Этот несложный способ Вовчик и практиковал, встречаясь практически со всеми копытовскими красавицами. Местное юношество, снедаемое черной завистью, любило подкарауливать поэта втроем-вчетвером для заимствования литературного опыта. Вовчика спасал только *лев* на *нерпи*, да и то не всегда, потому что ведь и *лев* может разрядиться, когда к тебе каждую минуту подскакивает кто-нибудь новый, размахивая выдернутым из земли колышком. Тогда по-

битый Вовчик безвылазно сидел в ШНыре и отписывался от поклонниц эсэмэсками: «*Ты прекрасна люлюлю! Женя (Даша и т. д.), я тебя люблю!*»

Пару раз перепутав в сообщениях имена, Вовчик стал умнее. Теперь почти любая девушка, написавшая ему сообщение, получала в ответ: *«Люлю заюшку мою!»* И все.

Однажды такую эсэмэску он по инерции отправил Кавалерии, просившей у него купить что-то в Копытове, и потом часа четыре отмывал крышу пегасни от голубиного помета. Да и от Оксы бедняге регулярно доставалось. Эта узкая женщина не понимала сложной души поэта, хотя Вовчик и успокаивал ее: «*Ты прекрасна ляляля! Ох, Оксаночка моя!*»

Думая о нелепом Вовчике, Рина прошла через столовую, где пятерка дежурных металась между столами, накрывая их к завтраку. Макар и Юля, надрывая пупок, тащили закопченный котел на четыре ведра.

– Поберегись! Воду на чай несем! – крикнула Юля.

Прижимаясь к стене, Рина случайно заглянула в котел. В котле на самом дне бултыхалась железная мочалка.

– Э-э… Там у вас… – начала она.

– А в витаминах, думаешь, какое железо? Другое какое-то? – отозвалась Юля.

Рина проводила Юлю задумчивым взглядом. Новенькая не просто быстро обживалась в ШНыре, а словно только для ШНыра и была рождена. Точно идя по следам Родиона, который первые свои годы в ШНыре рыбу ел только сырую, спал

на снегу и охотился с арбалетом на уток, Юля редко когда укладывалась в кровать. Просто не могла в кровати спать – говорила, что душно, что воздух несвежий.

– А в коллекторе что, свежий? Там и кошки тухнут, и носки сохнут! – хмыкала Фреда.

– В коллекторе другое. Там тепло. А когда ты весь задубел, то тепло – это такое счастье! – говорила Юля.

Вот и теперь она спала то в пегасне на соломе, то зарывшись в прошлогодние листья, то между балками и слоем железа на крыше. Как-то Суповна выгнала ее из котельной, где она забралась в угольную печь:

– А если б я растопила?!

– «Если б» не считается. Не растопили же! – зевая, ответила разбуженная Юля.

По поводу же сна на балках чердака выговор Юле сделал Вадюша.

– Здесь крыша низкая, и в ней торчат гвозди. Ими можно пробить голову, но этого делать не следует! – произнес он, поучительно надув щеки и поглаживая свою курточку, точно курточка обижалась и нужно было ее успокоить.

В кухне пахло пригоревшей кашей. В чаду, успевая повсюду, металась Суповна. Хлопала окнами, покрикивала на дежурных. У плиты стояла Надя и с умирающим видом помешивала в котле чайной ложечкой. При этом по привычке, вынесенной ею из стен педучилища, она вполголоса говорила себе:

– Что надо сделать с кашей? Посолить. Правильно, молодец! Я кашу посолила? Нет, не посолила! Значит, я кто? Правильно: не молодец!

Заметив Рину, Надя радостно утопила ложку в каше и всплеснула руками:

– Представляешь, у меня сегодня день потерь и обретений! Я кольцо серебряное потеряла – и заплакала! Потянулась за салфетками, а кольцо из салфеточек – раз! – и выкатилось. Ну и кто я после этого?

– Не молодец? – попыталась угадать Рина.

Суповна углядела ее в дыму и хотела подойти, но тут перед окном кухни воровато мелькнул Кузепыч. Спеша к хозяйственному сарайчику, завхоз пытался прошмыгнуть опасный участок бочком. Суповна метнулась к подоконнику:

– Кузепыч! А ну ходь сюды!..

Завхоз покорно приблизился, втянув голову в плечи. Суповну он боялся еще с тех пор, как сам дежурил на этой же кухне и получал по загривку за тайком съеденные тефтели.

– Ну! – сказал он, храбрясь. – Слушаю вас!

– Дослушаешься! Уши откручу – нечем слушать будет! – азартно завопила Суповна. – Ты чем дитев травишь? Я масло сливочное просила, а ты мне что купил?

– Масло, – сказал Кузепыч обреченно.

– Масло?! Чтоб тебя в *болоте* на таком масле варили! – Суповна сунула руку в карман фартука и, точно собачку подозвав к себе Надю, сунула ей в руку упаковку: – Читай!

– «Восстановленное обезжиренное молоко, моно – и диглецериды, карбоксиметилцеллюлоза, каррагиган и ванилин»! – бойко затарахтела Надя, удивив Рину способностью не запинаться на трудных словах.

– Вот тебе кардиган! Вот тебе целлюлоза! – оборвала Суповна и показала вконец уничтоженному Кузепычу свекольный кулак. – Дети голодные, каждый день ныряют, а он, жила, их обезжиренным кардиганом кормит! Вон они тощ-щие какие! На ногах не стоят!

И отловив за загривок недоубитого Гошу, Суповна принялась мотать его из стороны в сторону. Гоша жалобно попискивал, действительно не удерживаясь на ногах. Наконец Суповне надоело его трясти, и, дав Гоше легкий подзатыльник, больше напоминавший удар оглоблей, она отправила его досыпать соль в солонки.

Тем временем Кузепыч успел улизнуть, и спина его мелькала между деревьями.

– От меня не удерешь! Везде достану! И чтоб нормальные продукты покупал, а не всякое там гмо!.. – кричала ему вслед Суповна.

Надя и Рина наслаждались унижением грозного завхоза. Суповне очень нравилось слово «гмо», которое она произносила не «гэмэо», а именно так, как пишется. Так нравилось, что она употребляла его почти постоянно. Редкий средний шныр, кокнувший тарелку, не побывал у нее «гмом» хотя бы раз.

Но Кузепыч уже сгинул. Суповна повернулась к окну спиной и затопала к Рине. Рина обнаружила, что Суповна уже улыбается. Она всегда начинала бушевать внезапно и так же внезапно утихала, напоминая этим остров на экваторе, где после проливного дождя, говорят, сразу проглядывает солнце.

– Вот! – сказала Суповна и, точно оправдываясь, развела руками: – Двадцать лет с ним воюю! Ну, конопушка, рассказывай! Чего пришла?

– Так вы ж позвали!

– А зачем? Ах, да! – Суповна хлопнула себя ладонью по лбу. – Что чудищща твоя малахольная? Не околела еще? Поври про нее что-нибудь!

Рина рассказала, что Гавр заматерел. Ночами пытается подвывать, как взрослая гиела. Копытовцы той частью леса уже не ходят после того, как пятеро местных устроили пикничок в лесу, а Гавр выбежал к ним поклянчить шашлычка.

– И как шашлычок? Дали? – спросила Суповна.

Рина вздохнула.

– Что ж они – не заметили, что у него глаза кроткие? – спросила она.

– Видать, не вглядывались! На пятках-то ушей нет! – утешила ее Суповна. – Кастрюлю с собой не взяла? На-ка, дай своему чудищщу! Нехай оно слопает!

Суповна сунула руку в свой бездонный фартук, и на ладонь Рине шлепнулись непонятные кусочки мяса, покрытые

шерстью. Собираясь переложить их в пакет, Рина стала расправлять их на разделочной доске, и внезапно под ее рукой возникло что-то кожистое, знакомое, непривычно плоское. Рина отшатнулась. На деревянной доске лежал беззащитный и добрый коровий нос.

– А-а! Что это?! – задохнулась Рина.

– Головня, – спокойно объяснила Суповна. – Головни никогда не видала, что ль? Ну, девка, муж с такой хозяйкой наплачется! С коровьей башки срезают – оттого и головня… Чудищща твоя от счастья околеет.

Рина ножом столкнула головню в пакет. К коровьему носу она так и не сумела прикоснуться. Видимо, в нем вся душа коровы.

Час спустя, когда стало окончательно ясно, что краска, вылитая на Вовчика, не оттирается даже постным маслом, Рину, как она и ожидала, послали отвести в Копытово ослика Фантома. Одной ей идти не хотелось. Она отправилась искать Сашку и отыскала его у пегасни, на поле, огороженном вкопанными шинами.

Сашка был там вместе с Меркурием. Меркурий, полюбивший Сашку за бесстрашие и горячность, теперь почти каждый день занимался с ним дополнительно. Сашка носился на нелетающем красавце Икаре. Проныривал у него под животом, вспрыгивал на седло ногами. И, разумеется, то и дело падал. Меркурий безжалостно сдергивал его за корд, обвязанный вокруг Сашкиного пояса. Сашка летел на землю.

Кувыркался. Азартно вскакивал и бросался догонять Икара. Настигал, вспрыгивал в седло на полном скаку. Меркурий позволял Сашке проскакать полкруга и опять сдергивал его за корд.

– Пуф, – говорил Меркурий, вздрагивая пальцем, словно целясь в Сашку из невидимого арбалета. – Убит. Слишком далеко. Высунул голову. А ведь это даже. Не в воздухе. Не боевой. Пилотаж. А так. Джигитовка.

– А куда мне голову девать? – огрызался Сашка, потирая ушибленное колено.

– А седло зачем? За седло. Убирай. И двигайся. Будь. Трудной. Мишенью. И помни про саперку. Саперкой, если повезет, можно даже болт отбить. А уж стальной шарик из шнеппера. И подавно.

Видя, что Сашка прихрамывает и в ближайшее время к тренировкам не годен, Меркурий отпустил его с Риной в Копытово.

– Мой папа был. Моряк. Он покорял. Океаны, – сказал он, отвязывая от Сашкиного пояса корд. – Но. Самый большой океан мира. Воздушный. И чтобы покорить его. Знать надо. Даже больше. Завтра продолжим!.. И осторожно там идите! У ведьмарей. Учения.

Тропинка петляла по полю, потом по лесу. Ослик Фантом то и дело останавливался и начинал щипать траву. Он никуда не спешил, в том числе и благодетельствовать русскую литературу. Сашка был благодарен ослику за то, что тот идет

медленно. Сашка прихрамывал. Вчера на мастер-классе по лоукикам ему отбили ноги, а сегодня еще и Меркурий помог своей джигитовкой. Сашка сам теперь не понимал, как мог полчаса назад догонять пега и вспрыгивать в седло. Разгорячился, должно быть.

Рина посматривала на Сашку и посмеивалась. Она уже привыкла к Сашкиным секретам, которые он называл «свиданиями» и которые часто заканчивались синяками. Но порой обходилось и без синяков.

– Был я тут как-то на свидании в метательном тире, – говорил сейчас Сашка. – Там невзрачные такие дядечки с простыми сельскохозяйственными лицами. На улице увидишь такого – и не заметишь. Ну мужичок себе и мужичок. А все же с таким лучше не ссориться. Чуть поссоришься – из него дождем посыплются топорики, ножички, гвозди-сотки, саперные лопатки и прочие втыкающиеся радости.

И в голосе его Рина ощущала удивление. Не метание его поражало, а то, что совершенно неприметный с виду человек может иметь такие воинственные увлечения.

– Ты меня любишь? – перебивая его, внезапно спросила Рина.

Фантом удивленно задрал голову. В зубах у него как сигара торчал побег иван-чая.

– Это я не тебе! Ты лопай, лопай! – успокоила ослика Рина.

Сашка задумался, и Рина пожалела о своем вопросе. Саш-

ка был человек честный, несколько даже с математическим уклоном души, и всегда отвечал очень подробно. Например, он мог сказать: «Я сегодня люблю тебя на шестьдесят процентов». Или того хуже: «Люблю тебя на двадцать пять процентов». Это же только кажется, что люди каждый день любят друг друга одинаково. На самом деле разброс ежедневной любви очень и очень большой.

Дожидаясь Сашкиного ответа, Рина машинально оттолкнула Фантома, наступившего ей копытом на ногу. Фантом недовольно махнул хвостом, и его тяжелая кисточка мазнула Рину по носу. Несколько секунд спустя она уже сидела на земле и, в спешке открыв блокнот не с того конца, строчила:

– Ты меня любишь?

– Да.

– Ты меня просто обожаешь?

– Да.

– Я самый лучший?

– Да.

– Ты исполнишь любое мое желание, каким бы безумным оно ни было?

– Да.

Дверь пнули тяжелым сапогом:

– Эй там, в темнице! Третью ночь одно и то же! Страже спать не даете! Мне что, из аркебузы шарахнуть?

– Да! Да! Да!

– Не слушайте его! Это он совсем о другом! – крикнул маркиз дю Грац. Он торопливо схватил попугая, умевшего повторять одно только слово, и, не дожидаясь, пока тот опять разинет клюв, сунул его в клетку.

– Какой же я идиот! – вдруг воскликнул Сашка.

Рина, вдохновение которой постепенно начало ослабевать, оторвалась от блокнота.

– И какой же ты идиот? – заинтересовалась она. – Подробности? Детали? Факты? Выдержки из истории болезни?

Но, увы, ни выдержек, ни фактов Сашка ей не предоставил, а только показал вперед и чуть вверх, туда, где, заканчиваясь, лес перетекал в поле.

– Эх! Не той дорогой я тебя повел! – сказал он, хотя шли они вместе и вовсе не Сашка вел Рину.

Рина сделала несколько шагов – и застыла. Открывшееся ей было прекрасно до ошеломления. Немыслимой, неправдоподобной голубизны небо. Внизу на поле желтая, залитая солнцем и оттого совсем слепящая гречиха. Между гречихой и небом – многоуровневое облако. Нижний его срез темный. Выше облако постепенно светлеет, становится ватным – и вдруг взлетает одинокой снежной горой. От горы отделяется дуга от пролетевшего самолета. Кажется, будто в состоящее из белил облако ткнули пальцем и смело провели по небу. Внутри дуги, как в арке, танцуют восемь точек. Они то вытягиваются в прямую линию, то выстраиваются кольцом,

то, распадаясь на четыре отдельные двойки, разом занимают все высоты.

– Эх! – сказал Сашка. – Возвращаться придется! Нам теперь на поле не высунуться. Надо было другим путем идти, через овраги…

– У берсерков тренировки! – сказала Рина, вспоминая. – Меркурий говорил… Смотри! Охват!

– Не охват. Подрезка… Прямо как по учебнику боевого пилотажа! – ответил Сашка.

Рина с Сашкой привязали Фантома к дереву, а сами, укрывшись в кустарнике, наблюдали. Вскоре стало очевидно, что не все четыре двойки обладают одинаковым опытом. Вот эти две относительно неподвижные, даже отчасти ленивые точки – инструкторы. Изредка одна из них срывается с места и не столько показывает, сколько намечает упражнение. Потом возвращается на место. Другие послушно повторяют.

– Может, все же рискнуть и проскочить? Зачем мы им нужны без закладок? – спросила Рина.

– Это мы нормальным берсеркам без закладок не нужны, а этим новичкам что угодно сейчас в голову взбредет! Кулаки-то чешутся! – резонно возразил Сашка, который в определенных вещах был опытнее Рины.

Один из инструкторов завис над лесом так низко, что стало видно желтоватое, с подпалом, брюхо его гиелы. Потрескивали усики электроконтактов: берсерк убеждал гиелу ве-

сти себя поспокойнее, что той давалось непросто. Гиела была быстрой, гибкой, нетерпеливой. В молодых крыльях ощущалась неизрасходованная сила.

– Заметил нас! – прошептала Рина, жалея, что даже шнеппер с собой не взяла. – Может, использовать *льва* и запустить камнем?

– Нет! – прошептал в ответ Сашка. – Не заметил! Он вверх смотрит!

– Зачем?

– Он изображает шныра… – догадался Сашка. – Вот смотри… Будто бы вышел из нырка… Теперь озирается… Летит… Уставший такой… Поправляет сумку с закладкой… А тут атака пикированием! Две двойки отвлекают, зажимая в клещи, а остальные, занимая выгодную высоту, атакуют по одному.

И точно. Сгрудившиеся на приличной высоте, новички-берсерки стали поочередно пикировать прямо на инструктора. Тот умело отворачивал гиелу, заставляя атакующих промахиваться и ставя их в такое положение, что сразу под ними оказывались лесные вершины. Опасные игры! У новичков почти не оставалось времени, чтобы выйти из пике. Их гиелы, чувствуя это, трусили и начинали замедляться много раньше, чем должны были бы, нападай они на реального пега.

– Прикольно! – сказал Сашка. – Смотри: почти у всех в руках арбалеты! Зачем сейчас арбалеты? Только мешают!

– Точно, – подтвердил кто-то рядом. – Лучше бы. Гиел. Поменьше током. Шарашили.

Сашка с Риной оглянулись. Меркурий, ухитрившийся приблизиться неслышно, стоял, скрестив на груди руки. За спиной у него висел тяжелый арбалет.

– Решил. Проверить. Мало ли. Чего, – объяснил Меркурий свое появление. – И как видно. Не напрасно. Этих двоих берсерков. Видите.

– Инструкторов?

– Да. Танцор и Верлиока. У каждого из них на счету. Много шныров. Универсальные берики. Хороши и на земле. И в воздухе. Подчиняются скорее. Гаю. Чем Тиллю. Даже псиос получают. Напрямую.

– Но лучший же берсерк был Шаман?

– Был, – кратко ответил Меркурий и сунул Сашке бинокль.

Сашка поднес его к глазам, стараясь запомнить, как выглядят лучшие берсерки Гая. Один был средних лет – крепкий, невысокий, уверенный. В седле держался как влитой, и даже когда гиела выписывала в воздухе змейки или резко шла вниз, в положении его тела не ощущалось никакого напряжения. Даже выражение его лица, широкоскулого, окаймленного редкой бородкой, не менялось. Ни топора, ни секиры у него не было. За спиной в хитроумном креплении висел легкий молот.

– Верлиока, – сказал Меркурий. – Такого с седла. Не со-

рвешь. У него два арбалета. Бьет с обеих рук. А потом. Метает. Молот.

Напарник Верлиоки был молодой, легкий, беспокойный. Тело его, руки и лицо постоянно пребывали в движении. Он казался не человеком, а тряпичной, гнущейся во все стороны игрушкой, которую треплет ветер. И одежда у него была такая же игрушечная – цветастая, широкая, с какими-то полосами и лентами. Он то откидывался назад, то наклонялся, то с исключительной ловкостью пронырывал у гиелы под брюхом, показывая новичкам, как целиться из арбалета. Потом вскочил на седло коленями и несколько мгновений летел так, раскинув руки. Сашка понял, что это и есть Танцор.

– С этим. Будьте особо. Осторожны. У него сеть на четырех шарах. Очень легкая, большая. Мгновенно опутывает пегу крылья.

– И пег разбивается? – спросила Рина.

– Нет. Радуется. И хлопает. В ладоши, – сердито ответил Меркурий.

Сашка смотрел на Танцора и Верлиоку и видел, насколько они отличаются от берсерков-новичков. Те и в седлах держались трусливо, и из арбалетов целились так, что руку относило ветром. И при этом еще постоянно вертели головами, проверяя, что делает их гиела и не собирается ли она во что-нибудь врезаться.

– А есть способ выйти из нырка безопасно? Ну если с тобой ценная закладка и берсерки уже оповещены *болотом*? –

спросил Сашка.

– Есть три. Способа. Один. Хуже. Другого.

– Хуже? – переспросил Сашка.

Меркурий кивнул, подтверждая, что Сашка не ослышался.

– Первый. Выйти из нырка. С приличным запасом. Высоты. И на свежем пеге. Но это. Нереально. Второй. Выйти рядом с защитой ШНыра. Но. Попробуй прицелься. Из Межмирья. И третий. Выйти где-то совсем далеко от ШНыра. И спрятать закладку. Но если вдруг нарвешься. До ШНыра уже. Не дотянешь.

– А как дотянуть до ШНыра, чтобы не перехватили?

– Надо знать. Стратегию перелетов. На большие расстояния. И как уходить от гиел. Не утомляя пега. Вот смотри. Теплый воздух. Поднимается вверх. Зона низкого давления. Холодный воздух. Опускается вниз. Зона высокого давления. Гиела в высоком. Ты в низком. Ты понял. Куда. Я клоню.

Сашка на всякий случай кивнул. Он следил за учебным боем берсерков.

– А вот в этого из шнеппера нужно было. А потом саперкой крошить! – горячо крикнул он, наблюдая, как один новичок заходит на инструктора снизу, со стороны брюха гиелы.

Меркурий подумал. Посмотрел на Сашку. Сунув руку в бороду, почесал где-то там внутри и серьезно согласился:

– Как ни странно. В общем и целом. Да.

Пока Сашка разглядывал берсерков, Танцор извлек из широких складок своей одежды трубку и стал выпускать из нее дымные кольца, повисавшие в воздухе. Выпустив четыре таких кольца, он развернул гиелу и без усилия пролетел сквозь все кольца, не задев ни одного. За Танцором сквозь кольца пронесся Верлиока, а за Верлиокой потянулись и новички из учебных двоек. Внешне простой, этот маневр оказался не по силам никому из новичков, хотя кольца, постепенно рассеиваясь, стали намного шире.

Лишь один берсерк из шести сумел пролететь все четыре кольца, да и то задел крайнее крылом гиелы. Заметив это, он развернул гиелу и заставил ее повторить маневр. В запальчивости он не заметил, что с другой стороны в те же кольца пронырывает следующий новичок, и опомнился, только когда прямо перед ним выросла гиела с поджатыми ушами и оскаленной мордой. Берсерк закричал, ужалил свою гиелу электрошоком и, прорывая дымное кольцо, рванулся в сторону, но было уже поздно. Гиелы столкнулись, зашипели, обмениваясь укусами и ударами лап. Затем, хлопая крыльями, разлетелись. Крылья уцелели: обе гиелы успели развести их в момент удара. Для гиел, часто дерущихся между собой, столкновение в воздухе, в общем-то, рядовая ситуация. Однако всадники оказались к этому не готовы. Тот берсерк, что нарушил свою очередь, усидел в седле, зато другой вылетел из него и метров с пятидесяти свечкой нырнул в лес.

Падал он беззвучно, лишь пытался выставить руки. Сашке почудилось, будто в момент столкновения с землей он услышал глухой шлепок, хотя упал берсерк далеко от них. Рина отвернулась.

– Вот и. Песенке. Конец, – отрывисто и словно бы с сожалением произнес Меркурий.

К месту падения сразу устремились несколько берсерков. Гиела с пустым седлом, ощутив свободу, металась в воздухе, дразня других гиел. Танцор пытался подманить ее тухлым мясом. Не замечая, что он готовит к броску сеть, гиела подалась было на привлекательный запах, но тут один из стажеров выстрелил в нее из арбалета. Болт задел кожу на загривке, прочертив кровавую полосу. Дернувшись от боли, гиела взвизгнула и умчалась, стремительными петлями уходя от выстрелов. Теперь в нее стреляли уже почти все. Танцор наудачу метнул мгновенно раскрывшуюся в воздухе сеть и, поняв, что не попал, заорал на выстрелившего первым берсерка, застывшего в седле с разряженным арбалетом.

– Зачем они стреляли? – прошептала Рина.

– Гай. Запрещает оставлять. Гиел. На свободе. Если ведьмарь погибает, его гиелу. Нужно вернуть на базу. Живой. Или мертвой, – объяснил Меркурий.

Спустя минуту небо над полем опустело. Часть берсерков унеслись за гиелой, другие же спешили увезти на базу в Кубинке тело разбившегося.

– Догонят? – спросил Сашка про гиелу.

– Вряд ли, – сказал Меркурий. – Она разъярена легкой раной. К тому же ей легче. Лететь. Седло пустое.

Вскоре после исчезновения берсерков ушел и Меркурий. Сашка же и Рина отправились в Копытово. Ослик Фантом бодро трюхал по дороге, забирая к знакомой писательской четырехэтажке. В тракторных колеях прыгали крошечные сухие лягушки. Стукались о стенки, скатывались обратно. Добрая Рина наклонялась и, желая помочь им, подставляла ладонь. Лягушки принимать помощь отказывались и удирали. Лишь некоторые доверчиво прыгали на руку, и Рина пересаживала их в траву.

– Смотри, какой парадокс… – сказала она Сашке. – Чтобы спастись, надо сделать что-то вопреки инстинкту. Инстинкт же учит убегать от всего непонятного.

– И правильно делает, – одобрил Сашка. – Из колеи лягушка как-нибудь и без нас выберется, а от доверчивости прыгнет в разинутый рот какому-нибудь хищничку – и готово. Сочиняй некролог.

Они почти уже вышли из леса, когда Сашка неожиданно остановился, во что-то всмотрелся и кинулся в кусты. Вернулся он почти сразу, весь в репьях. С собой нес кожаную сумку.

– Узнаешь?

Рина кивнула. Сумку было сложно не узнать. Во всем ШНыре была только одна такая. Месяц назад берсерки подстерегли вышедшую из нырка Оксу в небе южнее Копытово.

Прижали к земле на двух гиелах. Окса предпочла не умирать смертью храбрых и, стащив с плеча сумку, высоко подбросила ее. Один из берсерков кинулся наперехват, и Окса ускользнула. Так вот, это была та самая сумка, видимо, слетевшая у разбившегося ведьмаря.

Сашка открыл ее. В ней были уже вещи берсерка: планшет, термос, запасная тетива для шнеппера и солнцезащитные очки. Очки не разбились, металлический термос не помялся, а вот их хозяина больше не было. До чего все же непрочен человек!

– Тогда у Оксы была с собой красная закладка! – вспомнил Сашка.

– Ты ожидал, что она и сейчас там будет? – спросила Рина.

Сашка, не отвечая, ощупывал тяжелую застежку сумки. Застежка была в форме курка от старинного пистолета, входящего в массивный замок.

– Слушай! – сказал Сашка. – А ведь у Оксы тут был тайник!.. Она мне как-то показывала, только я не запомнил.

Сашка завозился с застежкой. Открыть не получалось. Сашка хищно щелкнул ножом.

– Не ломай! Подожди до ШНыра! Вернем Оксе! – сказала Рина.

Отнимая у Сашки сумку, она случайно потянула запирающий курок вперед. Движение, лишенное логики, поскольку никому в обычных условиях и в голову бы не пришло закрывать уже закрытое. Замок щелкнул. На ладонь к Сашке

выкатился небольшой камень с характерными сколами от саперки. Едва он коснулся кожи, как в центре камня вспыхнул алыми прожилками маленький, четко вырезанный лист.

На нерпи Сашки проступили очертания *черепа. Череп* точно вопрошал, что делать с закладкой, не втянуть ли ее. Сашка, знавший, как тяжело удерживать закладку даже уникумом и не испытывать ее влияния, торопливо уронил закладку в сумку.

– Видела?! – воскликнул он. – Не нашел! Повезло, что берсерк неопытный попался!

– А еще в сумке что-то было?

– Окса говорит: трава, кора, пара пнуфов. Берсерк все это выгреб, а главного не обнаружил.

Легко касаясь закладки и, едва она вспыхнет, сразу отдергивая палец, Рина разглядывала лист. Каждый средний шныр, посещающий уроки Кавалерии, помимо десятков названий горных пород рано или поздно усваивает, что листья на *двушке* бывают овальные с мелкопильчатым краем, щитовидные с пальчатым жилкованием, заостренные непарноперистые, перисторассеченные, лопастные и овальные с цельнокрайным краем. И закладка, заключенная в каждой разновидности листа, разумеется, будет иметь свои отличия.

– Красная… тройной лопастный лист… это у нас что?

– Здоровье, – сказал Сашка.

– Здрасьте! Красные – они все здоровье… Тройной лопастник – это, кажется, исцеление безнадежно больных!

Рина с Сашкой уставились друг на друга.

– Надо отдать Кавалерии. Человек же тот ждет. Если жив еще… – сказала Рина.

– Можно не отдавать, – заметил Сашка.

– Почему?

– Кавалерия уже закрыла тот заказ… Ныряла в тот же вечер, как Окса сумки лишилась. Вроде парень какой-то на машине разбился. Не выходил из комы полгода… Его уже отключать собирались, а тут он встал, всех поблагодарил и стал спрашивать, где его джинсы. Хирург, говорят, как это увидел, на ту же кушетку слег и к нему сразу все аппараты подключили.

– То есть как? Закладка лишняя? – не поверила Рина.

Бывают ли закладки лишними, Сашка не знал, и она тоже не знала.

Фантом нетерпеливо ткнулся Рине мордой в спину. Ему поскорее хотелось в Копытово, где писатели подкармливали его яблоками и морковью. Рина вздрогнула и, борясь с желанием продолжать историю дю Граца, по гречишному полю заспешила к поселку. Сашка бежал впереди, прыгая по взрытой земле и проваливаясь в овражки. Кипевшие в нем силы не уважали легких путей. Рина знала, что, если где-то будет две дороги – одна нормальная, а другая с буреломом, – Сашка всегда выберет бурелом. А если еще по пути где-нибудь будет стоять столб или высокое дерево, обязательно на него залезет.

Уже перед Копытово по дороге, пыля и сигналя, пронеслись две машины. Саша и Рина едва успели отскочить на обочину, утаскивая за собой ослика.

– Дачники москальские! Не знают про яму за поворотом! – глотая песок, мстительно сказал Сашка. Он и сам был москалем. В Москве родился, в Москве учился и ездил в Москву постоянно. Но, проживая поблизости от Копытово, как-то раздвоился и уже позволял себе поругивать москаликов.

Несколько секунд спустя двойной грохот подсказал коренному копытовцу Сашке и коренной копытовке Рине, по совместительству дочери московского миллиардера, что глубочайшая, всему району известная яма никуда не исчезла и всегда ждет гостей.

Тем временем Меркурий медленно возвращался в ШНыр. Брел невесело. На него, обычно бодрого и неунывающего, как-то вдруг навалилась усталость. Он испытывал слабость, старость, упадок сил. Всю жизнь он отдал пегам, полетам, ШНыру. Что было у него еще? Сын? Но сын его не понимал, и он сам не понимал своего сына. Первое время надеялся, что непонимание это временное, что что-то изменится, плотина отчуждения прорвется, но она не прорывалась десятилетиями, и теперь было уже очевидно, что это навсегда. Слишком далеко разошлись дорожки, чтобы вновь сойтись. Видимо, вечно занятый, вечно ныряющий, недолюбил он когда-то сына, мало вложил в него внимания, мало влил

души, и то место, которое не заполнил он, заполнилось чем-то иным, чужеродным. А теперь чего уж… Снявши голову, по волосам не плачут.

Единственным, ради чего Меркурий всегда существовал, на что сделал свою главную в жизни ставку, была *двушка*. Но теперь из-за проклятых носовых кровотечений нырять он больше не мог и остро переживал это. Настолько остро, что боялся остаться один. Старался всегда быть со средними шнырами, или с пегами, или хоть с кем-то – только чтобы не с самим собой. Знал, что иначе тоска и обида раздерут его в клочья.

И вот теперь тоска подстерегла его одного. Положила на плечи сотканные из обид руки, заглянула в глаза сосущими душу бельмами.

«Пора! – подумал Меркурий. – Чего ждать? С каждым днем будет только хуже! Сейчас же я еще способен уйти красиво».

Он остановился. Стащил с плеча тяжелый арбалет. Вложил болт, с усилием взвел рычаг. Потрогал тетиву. Рядом с арбалетом положил саперку. На нее основная надежда. Перезарядиться ему все равно не дадут.

Сунув руку в сумку, Меркурий достал пнуф и сжал его в ладони. Костяной шарик с колючками покалывал грубую кожу. Лишь шныры-новички думают, что пнуф срабатывает, только если выстрелить из шнеппера. Бред. Шнеппер нужен лишь затем, чтобы попасть в отдаленную цель. А так доста-

точно сильного удара. Держа пнуф в левой руке, Меркурий наклонился, чтобы поднять арбалет и саперку.

Он знал, что сейчас будет. Вспышка пнуфа переместит его в арктическую избушку, где разъяренные берсерки, многие из которых попали туда не без его участия, давно его ждут. Ну что ж! Вот вы и дождались, ребята!

Держа левый кулак зажатым, Меркурий стал искать глазами старое дерево, о которое можно ударить рукой, чтобы заставить пнуф лопнуть. Деревья вокруг были какие-то тонкие, несерьезные и для его цели не подходили. А потом он вдруг увидел березу, росшую отдельно от других на небольшом холмике. Меркурий шел к ней и с острым, прощальным любопытством, с каким-то напряженным вниманием рассматривал ее. Береза была толстая, темная, с коричневатыми плотными наростами на стволе. Кверху дерево чуть светлело, но кора его была не белая, а какая-то седая и выцветшая. Ощущалось, что береза очень старая и доживает последние годы.

Меркурий заметил ее отломленную вершину и усмехнулся. «Когда я пришел в ШНыр. И она. Была молода. Росла здесь все годы. Я никогда. Не замечал ее. Что ж, зато уйдем мы. Вместе! Потерпи, бедолага», – подумал он.

Обходя березу, чтобы найти место, куда ударить, Меркурий случайно взглянул вверх. Черная толстая ветка березы была отставлена далеко от ствола и тоже обломлена. В месте облома ветка утолщалась, и с этого утолщения, как с откры-

той плоской ладони, вверх взмывала прямым стволом молоденькая, свежая, кудрявая березка, точно приподнявшаяся на цыпочки от избытка сил. Ствол у нее был совершенно белый, без единого пятнышка, очертания стремительные, листва зеленая до одури, до неестественности какой-то. Это выглядело так, словно замшелый великан держал на ладони молодую красавицу. Но эта красавица была не сама по себе – она была частью великана! Сердцем его надежды.

Занесенная рука Меркурия опустилась. Он понял, что, если ударит, нижняя часть ствола исчезнет во вспышке пнуфа и юная березка, оставшаяся без опоры, погибнет. Меркурий стал озираться, ища другое дерево, но вдруг застыл, глядя на великана и красавицу. Долго, очень долго стоял он так, а после разжал ладонь, позволив колючему шарику выкатиться в сумку.

– Что ж. Живем. Дальше, – сказал он вслух самому себе и, повернувшись, быстро пошел к ШНыру. Дорогой он еще один раз, не удержавшись, оглянулся, но молоденькая березка с этой точки была уже незаметна: лишь старый, мертвый и черный ствол торчал на пригорке. Однако Меркурию достаточно было и мысли о том, что она там есть.

Давно забытым школьным воспоминанием всплыл у него старый дуб Андрея Болконского, и он почувствовал, что это березка стала для него, как и для князя, таким же возрождающим дубом.

«Вот они. Деревья!» – подумал он и впервые за многие

дни не усмехнулся уже, а улыбнулся.

Глава третья
Перстень с сердоликом

Говорил батюшка о великом смысле событий нашей жизни: от великих в жизни каждого отдельного человека переворотов, как духовных, так и душевных, и до мельчайших подробностей. Говорят, что все события нашей жизни откроются нам в час нашей смерти и мы тогда все поймем. Перед нами вся жизнь наша явится, словно написанная в книге.

Дневник послушника Никона Беляева (преподобного оптинского старца Никона)

Сашка и Рина дошли до серого корпуса бывшего игольного завода и свернули к писательской четырехэтажке. В подъезде пахло подгоревшим молоком. На подоконнике между первым и вторым этажами сидела крупная дама в хемингуэевском свитере и курила трубку.

– О друже! У меня уже все сроки горят! – с укором воскликнула она, устремляясь к ослику и своим лбом утыкаясь ему в лоб.

Где-то с минуту они так простояли, бодаясь. То ослик продвигался немного вперед по ступенькам, то дама сталкивала его вниз, тоже на ступеньку или две, продолжая непрерывно дымить трубкой. Рина боялась даже предста-

вить, сколько вдохновения можно получить от ослика за минуту. Хватит на роман-трилогию, не меньше.

Наконец дама оставила Фантома в покое и поправила прическу.

– Загляните ко мне на обратном пути! – велела она. – Я дам вам мешок картошки! Правда, картошка неудачная, проросшая. Но ведь ее можно и посадить, не так ли? Еще у меня наличествует суп, позавчерашний, но крайне вкусный! Я перелью его в трехлитровую банку!

Рина поблагодарила. В ШНыре все пригодится, даже и проросшая картошка. А суп съест Гавр. Дама отодвинулась, пропуская их.

– Ах да! К Папавазяну только не заходите! А если зайдете, то ослика давайте ему гладить только через тряпочку! Ему неразбавленное вдохновение нельзя употреблять. Он всю ночь потом с кинжалом бегает!.. Приходится мне выходить и его утихомиривать! У меня его кинжалов уже полная коробка! – сказала она, выдыхая большой клуб дыма.

Рина не знала, кто такой Папавазян.

– Психолог-писатель. То есть он и пишет, и одновременно психует. Южный темперамент! – объяснила дама.

Собирая творческую дань, Рина с Сашкой заглянули еще в несколько квартир. Ослика трогали, гладили, целовали. Рыжий драматург даже ухитрился выдернуть из его лохматого бока некоторое количество шерсти и заявил, что спрячет ее в подушку.

– Сны после этого – как киноленты! Еще бы изобрести способ их записывать – и всю жизнь можно проводить в спячке! – поведал он.

На втором этаже навстречу ослику выпорхнули четыре сценаристки, ласковые, круглые, бодрые, похожие на прыгающие разноцветные мячики. Послышались охи, ахи, посыпались морковки. В рот ослику запрыгали половинки разрезанных яблок. В ответ крылатый ослик щедро просыпал в сценаристские головы полицейский боевик, один молодежный сериал, одну мелодраму и небольшую, серий в восемь, семейную сагу для пенсионеров.

Сценаристки не скупились. Их сердца были распахнуты так же щедро, как и дверцы их холодильника. Рине – «просто для тебя лично! не для всех!» – вручили бутерброд с огромной, пышущей жаром котлетой, на котором одна из сценаристок кетчупом нарисовала смайлик, а вместо ушей пристроила к смайлику два кусочка огурца. Сашке дали такую же котлету, только без украшений. Сашка мгновенно проглотил ее и стал смотреть, как Рина мусолит свой котлетоброд, стесняясь отъесть у человечка уши.

– Неправильно ты ешь! Смотри, как надо! – сказал он.

И с ушами тут же было покончено.

– Больше не показывай! Я уже поняла! – торопливо сказала Рина, пряча котлетоброд за спину.

А сценаристки уже прыгали вокруг Сашки. Его рюкзак быстро наполнялся продуктами. Рюкзак Рины от него не от-

ставал. Дальше урожайность несколько снизилась. На третьем этаже из квартиры слева высунулся мнительный старичок-детективщик, вечно опасавшийся, что у него похитят рукопись, и отправлявший ее в издательство не иначе как в сопровождении нотариуса. Вот и сейчас он открыл дверь не полностью, а на цепочку, и через цепочку же просунул тонкую, похожую на пинцет руку с батоном нарезного белого. Молча вручил Сашке батон, молча потрепал ослика между ушей и опять закрылся на засов.

Едва засов щелкнул, дверь напротив широко распахнулась, и появился долговязый, атлетического сложения мужчина с маленькой, как набалдашник трости, головой. Поскреб ослика Фантома ногтем правой руки, сунул Рине банку ананасовых кружочков и удалился, снисходительно покачивая головой и точно кивая кому-то невидимому, желающему завязать с ним знакомство.

– А почему только пальцем? – спросил Сашка шепотом.

– Роман Карболкин, критик… пишет заметки в двадцать строк для популярных изданий! Ему сильно много вдохновения не надо! – объяснила Рина, слышавшая о нем от Вовчика.

Фантом уже трюхал по лестнице на следующий этаж, где жили могучий прозаик Иванов, борода которого плавно перетекала в растительность на шее, а та, в свою очередь, в растительность на груди, и пухленький поэт Лохмушкин, он же «обнаженный нерв эпохи», как дразнил его приятель.

Ослик толкнул мордой никогда не запиравшуюся дверь. Иванов и Лохмушкин рукописей своих не оберегали и знакомств с нотариусами не водили. В данный момент обнаженный нерв эпохи стоял у зеркала и, выпятив грудь, драпировался в простыню, оставляя открытым одно плечо.

– Ну что, похож я на древнего римлянина?

– Перепуганный патриций спасается от восставшего Спартака… Шлепки-то мои отдай! – лениво отозвался Иванов.

Он сидел с ноутбуком в руках, тряс его и, переворачивая, вытряхивал последние капли кофе из залитой клавиатуры. Вытащенный аккумулятор уже лежал на столе рядом с приготовленным феном. Ощущался большой практический опыт в этом деле. Заметив ослика, Иванов вскочил и бросился его гладить.

– Затык! – пожаловался он. – Опять затык! Перед каждым романом говорю себе, что надо написать скелет, но ленюсь и потом делаю двойную работу!.. А ведь проще всего начать со скелета и потом покрывать его мясом!

Сашка кивнул, притворяясь, что все понял.

Лохмушкин отскочил от зеркала и бросился целовать ослика в морду.

– А ты отойди! Не трогай его вместе со мной! – крикнул он Иванову. – А то в меня через осла твоя проза случайно просочится!

Иванов послушно отошел. Он и так уже хлебнул вдохно-

вения страницы на две-три десятым кеглем. На сегодня ему должно было хватить.

Лохмушкин оторвался от ослика и деликатно снял с губ приставшую шерсть.

– Мне нужна новая легенда! – заявил он. – Да! Легенда!

– Зачем? – спросила Рина.

– А как иначе? Каждый писатель обязательно должен придумать себе легенду, как он творит. Без легенды это будет уже не тот класс… Например, американские писатели любят уверять, что они бутылками хлещут виски и не пропускают ни одной юбки. На самом же деле, конечно, пьют они кефир, потому что при другом раскладе хорошего романа не напишешь. Но легенда есть легенда! – Лохмушкин исторг завистливый вздох и, перекинув простыню через плечо, вновь застыл у зеркала.

– Точно! – почесывая заросшую шею, подтвердил Иванов. – Или вот Тюлькин – писатель-натуралист! Все уверены, что он творит лежа на льдине на медвежьей шкуре, по уши заваленный стреляными гильзами. Но сходите к нему в гости! У него аккуратненький девичий кабинетик – и нигде ни одной соринки. Мы ему с Лохмушкой на спор подбрасывали на стол жженую спичку, так он сразу бросает работу и идет выносить мусор!

– Я не Лохмушка! – обиделся нерв эпохи.

– Да, Лохмарик, прости! – извинился Иванов. – Помнишь твою прошлогоднюю легенду? Ты убеждал своих читатель-

ниц, что муза не является тебе, пока ты не примешь ванну из красного вина и не запахнешься в соболиную доху.

Лохмушкин вспыхнул:

– Я об этом всего один раз упомянул! В каком-то интервью захолустной газете! Не пойму, чего все так в это вцепились? Нету у меня никаких соболей! Я старый гринписовец!

Иванов заржал как безумный. После этого открыл кухонный шкафчик и стал смотреть, что можно найти из продуктов, чтобы дать Рине и Сашке. Отыскалось немногое. Полпачки геркулеса, две морковки в белой бородке корней, мелкая россыпь вермишели и кость от какого-то доисторического предшественника курицы.

– Да! – сказал он с тоской. – Гонорары нынче задерживают, а на встречах в библиотеках писателям почему-то дарят или цветы, или водку. Цветы я передариваю первой же страшненькой девушке на улице, чтобы повысить ее самооценку. Водка для вас не актуальна. Так что прошу меня простить!

– Тогда мы вам чего-нибудь дадим! Мы сегодня богатые! – сказала Рина, выуживая из рюкзака банку с ананасами, полученную от литературного критика.

– Ах! Какое чудо! Я так давно об этом мечтал! – взвизгнул Лохмушкин, покрывая банку мелкими поцелуями.

– Не обращайте внимания! – сказал Иванов. – Он вообще все подряд целует. У нас во всем доме один потолок нецелованный. У Лохмушки ножки короткие, он до него не до-

прыгнет.

– А как Воинов? – спросила Рина.

Лохмушкин перестал целовать банку и испуганно оглянулся на Иванова:

– Э-э… он… э-э… ну не то чтобы… а-а…

– Уже почти не встает! – сказал Иванов. – Мы ему стол к дивану переставили, монитор наклонили, а клавиатуру на колени.

– А роман для умирающей девушки? Дописал он его?

– Пишет, – подтвердил Иванов и задумчиво добавил: – Только потом его и не пристроишь еще, этот роман. Хорошие книги всегда с ужасным скрипом пристраиваются. Сам не знаю, почему так. А вот если к книге спокойно относишься, тут все как по маслу проходит…

– Но ведь это роман только для одной девушки! Для одной! Его не надо публиковать! И вообще – главное текст, а не книга! – убежденно воскликнула Рина.

– Ну да, – сказал Иванов, с удивлением посмотрев на нее. И точно убеждая самого себя, подтвердил: – Это – да. Само собой. Текст.

Схрумкав бородатую морковку, которую Лохмушкин двумя пальцами заботливо подержал под струйкой воды, ослик решительно повернул к дверям. Фантом любил во всем завершенность и никогда не покидал подъезд, пока они не обойдут все квартиры.

Дверь у Воинова тоже оказалась незапертой. Ослик толк-

нул ее мордой, просунулся в комнату, стянул со столика какие-то таблетки и принялся их хрумкать вместе с упаковкой. Рина бросилась его оттаскивать. Лучше б она этого не делала, потому что ослик лез как перина. Его шерсть мгновенно забила Рине ноздри и…

– Вот таблетки ваши! Я их отвоевала! – произнесла Рина, ощущая, что ее начинает распирать от вдохновения.

– Не надо! – сказал Воинов устало.

Рина трагически протянула к нему руку, не менее трагически отвела ее и, закрыв глаза, произнесла в пространство:

Не надо? Что ж! Пускай!
Хотела я как лучше,
Однако благодарности не жду!
Пусть все горит огнем,
Я буду лишь смеяться
Ужасным диким смехом
И страдать! —

и зарыдала.

– Холодная вода помогает! Прямо струю душа на лицо направь! Или до вечера будет рыдать и стихами шпарить! – велел Воинов Сашке.

Сашка отвел Рину в ванную. Несколько минут из ванной доносились демонический хохот и поэтические крики:

– Несчастный! Как холодны твои объятья! Почто могильными руками ты душу трогаешь мою?!

Под конец крики смолкли, и очень смущенная Рина появилась из ванной.

– Я это… короче, там зубной пастой стихи на кафеле написала… Смыть? – спросила она.

– Да нет, – сказал Воинов. – Оставь, я после почитаю.

Фантом, оставленный без присмотра, подъедал на подоконнике цветы. Рина опять едва к нему не бросилась, но Воинов сказал:

– Не надо! Где еще он попробует веерную пальму?

Рина вернулась к дивану. Это дурацкое происшествие с осликом сбило градус трагичности, и она на время забыла, что находится рядом с умирающим. И это было хорошо, потому что иначе она стояла бы с постным лицом и что-то блеяла.

Воинов, восковой и какой-то истончившийся, лежал на диване. Под спину у него были подоткнуты две высокие подушки. На укрытых пледом ногах – клавиатура. Рядом на большой книге – компьютерная мышь. У Рины мелькнула мысль принести ему из ШНыра свой ноут, но она поняла, что Воинов не станет сейчас ничего менять.

– А как же таблетки? И цветы? – спросила Рина.

Воинов махнул рукой.

– Там куча всякой еды в холодильнике. Возьмите!.. Еще кастрюли какие поприличнее, сковородка хорошая – захватите, пригодятся! – сказал он.

Рина едва не брякнула «А вы как же?», чем свернула бы

разговор в совершенно тупиковое русло. Сашка поступил умнее.

– Ладно, возьмем! – сказал он просто.

Рина в первую секунду после этих слов едва не набросилась на него, а потом поняла, что слова были правильные.

– Молодцы, что зашли! – сказал Воинов, ободряюще улыбаясь. – Ко мне теперь в основном только Лохмушкин с Ивановым заходят, но они всегда такие важные!

Рина попыталась представить Лохмушкина с Ивановым важными, но у нее заклинило воображение. Видимо, слово «важные» Воинов употребил, чтобы не говорить «похоронные».

На столике, отделенная от лекарств заборчиком из лежащих в ряд карандашей, помещалась стопка из четырех-пяти книг. В каждой было множество закладок, различавшихся по цветам.

– Читаете? – спросил Сашка.

Воинов недоверчиво покосился на книги:

– Пытаюсь. Я давно разучился читать, как читал когда-то в детстве – с безграничной радостью и верой, что все, что я читаю, правда. Кони скачут, трубы трубят. Писатель убил во мне читателя. Сейчас я каждую секунду думаю: тут затянуто… тут убрать бы… тут автор сам в шкурку героя влез, а героя прочь… тут самоповтор… тут пейзажик вставлен из загашничка… тут анекдот… тут философия не к месту… а вот тут – стоп! Тут действительно что-то брезжит! Сквозь

слова брезжит, сквозь автора! Ради этого ощущения и стоит читать книги!

– А ваша книга как? – спросила Рина.

– Почти закончил. Раньше я писал в пустоту. А сейчас впервые пишу для кого-то, – задумчиво ответил Воинов и, взяв со столика фотографию, показал ей.

На фотографии была бритая наголо девушка с грустным лицом. Рина почти уже открыла рот, чтобы сказать, что она похожа на Насту, но вовремя сообразила, что Наста бритая от своей дури, а девушка – от химиотерапии.

– Вы ее знаете? – спросила Рина.

– Немного… Так… Десяток сообщений в соцсети, – сказал Воинов. – Плюс я вижу картинки, которые она постит на стену, цитаты какие-то… В общем, настроение души можно уловить. А другого мне и не надо. Знай я ее ближе, не смог бы я для нее писать.

– А-а-а, – протянула Рина и зачем-то добавила, что она думала, что книги пишутся для самого себя.

– Нет, – оспорил Воинов. – Если бы читателей не было, мне кажется, писали бы намного меньше. Может, одну пятую от того, что появляется. И то в полудневниковой форме.

– А про «для себя»?

– Профессиональное кокетство. И еще добавляют про кровь души, которую они используют вместо чернил. На самом деле писатель похож на человека, глядящего в закопченное окошко, сквозь которое пробивается иногда неведо-

мый ему самому снаружи существующий свет… Но бывает это не часто. Поэтому адресат все же нужен. Правда, не стоит знать его слишком близко: тогда, как ни странно, теряется фокус. Ближе знаешь – хуже знаешь. А так – словно стоишь на залитой светом сцене, прожектор бьет тебе в глаза, а ты выкрикиваешь что-то в зал, где сидит единственный зритель.

– Зачем так сложно? – удивилась Рина. – Зрителей ведь может быть и много!

Воинов тронул компьютерную мышь и, приподняв ее, поиграл красным огоньком светодиода.

– Это нужно мне самому, – сказал он. – Много лет я был преуспевающим писателем. Писал жэзээлки – Жизнь Замечательных Людей. Создавал хорошие, качественные тексты. Но всю жизнь чего-то боялся. Опасался, что книга не понравится и ее вежливо отклонят, вместе с ней выбросив и год моей жизни, или подвинут в издательском плане, или дадут неудачного художника, или что редактор выкинет хороший кусок, не разобравшись, что вся книга писалась только ради него. Даже когда книга выходила, я по инерции продолжал бояться. Например, что не поставят допечатку и хорошая книга постепенно превратится в выцветшую карточку в библиотечном каталоге. Кучи вещей опасался, и этот страх мне ужасно вредил. Я не халтурил, но порой делал не так, как хочу, а так, как будет гарантированно успешно, и презирал себя за это. Сколько ярких мыслей было погашено потому только, что они были несвоевременны или не вписыва-

лись в жанр! Но однажды мне это надоело! Я решил, что буду писать просто так, как пишется, а на публикацию вообще махну рукой! Напишу КНИГУ, одну-единственную, настоящую, и дам ее прочитать одному-единственному человеку, потому что читатель мне все же нужен. Пусть и всего один. И книга моя станет ласточкой, чистой светлой молнией, свободной от всего, даже от бумаги… И тут появилась эта девушка, которую я даже вживую никогда не видел, и все както состыковалось.

Рина кивнула. Не потому, что поняла, а потому, что почувствовала: Воинову нужно, чтобы она согласилась.

– А про серию ЖЗЛ, – продолжал он, – тут вот какая история. В основном я специализировался на биографиях писателей и поэтов. Набирал в букинистических магазинах кучу прижизненных изданий, покупал у антикваров всякие мелочи, воспроизводящие быт, – чернильницы, колокольчик для вызова лакея, дуэльный пистолет, рапиру, гравюры. Все это нужно было мне для погружения в эпоху. Я заканчивал книгу, сдавал рукопись – и сразу же относил все обратно букинистам и антикварам.

Рине жаль стало дуэльного пистолета. Она бы его антиквару не отдала.

– Зачем?

Воинов слегка пожал плечами:

– Прижизненные издания – дорогое удовольствие. Требовались деньги, чтобы купить такие же книги и предметы бы-

та для следующей книги серии.

Вопросительно оглянувшись на Сашку, Рина сунула руку в сумку. Выудила камень. Ощутив ее пальцы, внутри вспыхнул трехлопастный лист. Опасаясь слиться, Рина положила камень на столик у дивана.

– Что это? – спросил Воинов.

– Закладка, – ответила Рина. – Надо сжать ее, подержать немного – и все. Вы будете здоровы.

Протянув худую руку, Воинов коснулся камня. Внутри ало вспыхнули прожилки листа. Воинов оторвал пальцы – прожилки погасли. Взял камень в руку, подождал, пока алое сияние заполнит камень и коснется руки, – и разжал пальцы. Перетекшее сияние, добравшееся уже до суставов, поколебалось немного и отхлынуло.

– Да-а, – протянул Воинов. Он выглядел удивленным, но значительно меньше, чем Рина ожидала. – Значит, говоришь, буду здоров?

– Надо взять его в руку и немного подержать. Сияния не бойтесь, оно не обжигает, – сказала Рина.

– А потом?

– Камень погаснет, и закладка сольется с вами.

– А второй раз использовать можно?

– Нет. Только один раз. Потом он станет просто куском скалы…

Воинов слегка кивнул, еще раз коснулся камня, даже чуть приподнял его, но сразу положил, едва сияние стало разрас-

таться.

– Когда-то я бы рассмеялся, но теперь верю, что все так и будет, – сказал он.

– Из-за крылатого ослика?

– Не только из-за него. – Он быстро взглянул на Рину, взвешивая, стоит ли говорить. Потом все же решился: – Лет десять назад я писал о Пушкине. Готовясь к написанию книги, начитывал материалы и, разумеется, покупал безделушки той эпохи… У одного антиквара я случайно наткнулся на интересное кольцо. Антиквар продал мне его по весу золота… Он, по счастью, не знал его истинной цены.

Сашка оттащил Фантома от последнего уцелевшего цветка.

– Волшебный перстень, что ли? – спросил он.

Воинов поморщился. Слово «волшебный», видимо, резануло чуткий писательский слух. Он скорее предпочел бы слово «чудесный».

– Можно и так сказать. А купил я его вот почему. Известно, что у Пушкина был перстень-талисман с еврейскими письменами и камнем сердоликом. Пушкин верил, что в этом перстне заключен его талант, и никогда с ним не расставался. Этот перстень присутствует и на картине Тропинина, и на посмертном портрете Мазера. С мертвой руки поэта перстень снял Жуковский. После смерти Жуковского перстень оказался у Ивана Тургенева. Тургенев в свою очередь планировал передать его Льву Толстому, говоря, что этот

перстень всегда должен быть у самого лучшего, наиталантливейшего писателя своего времени. Однако Полина Виардо, душеприказчица Тургенева, передала перстень в музей Александровского лицея, откуда он был похищен в марте 1917 года. Кто-то из служителей дождался смуты и совершил безнаказанную кражу. С тех пор судьба перстня неизвестна.

– Так это был он? Перстень Пушкина? – спросила Рина.

– Да, – сказал Воинов. – Мне удалось обнаружить пару оттисков с пушкинского перстня. Поэт запечатывал им письма. То же самое делал и Жуковский, так что образцы оттисков сохранились. И они совпадают с оттисками моего перстня. Я подозреваю, что тот служитель, что выкрал перстень, похитил его просто потому, что он был золотой, и так как он едва ли бы человеком пишущим, перстень ему не пригодился… И после этого перстня меня не удивляет больше ни ваш ослик, ни… как вы ее назвали?.. закладка.

– Вы покажете кольцо? – спросила Рина.

Воинов попытался подняться и даже почти сделал это, но вдруг покачнулся. Он упал бы, не подхвати его Сашка и не верни на диван. Он завалился на подушки, закрыл глаза. На секунду Рине показалось даже, что он умер, но тут он тихо сказал:

– Не могу сейчас… голова кружится… Я давно так много не говорил.

– Ерунда! – сказал Сашка. – А закладка? Просто сожмите ее – и все…

Точно защищаясь от Сашки, писатель перевернулся на бок и натянул на лицо одеяло.

– Я сам. Позднее. Оставьте закладку здесь, – с усилием произнес он. – И… да. Там на кухне мусор воняет. Выкиньте его по дороге, пожалуйста!

И замолчал. С минуту Рина и Сашка простояли у дивана. Воинов не шевелился. Из-под одеяла доносилось лишь его хриплое дыхание. Рина с Сашкой переглянулись. Сашка кивнул на дверь, показывая, что делать нечего, надо идти. Рина захватила с кухни пакет с мусором. За ней, понукаемый Сашкой, тащился Фантом. Ослик шел неохотно, поминутно останавливаясь, чтобы пожевать резиновый шлепанец или оторвать от стены кусок обоев.

– Странно, – сказал Сашка, когда они выходили из подъезда. – Почему он не взял закладку сразу?

– Не знаю, – отозвалась Рина. – Думаю, ему нужно время, чтобы решиться… Ты был болен – и вдруг мгновенно здоров. Представляешь?

Размышляя, стоит ли говорить Кавалерии, как они поступили с закладкой, или просто вернуть сумку Оксе и этим ограничиться, Рина дошла до мусорного бака и размахнулась уже, чтобы выбросить пакет. Пакет, до это благополучно державшийся, вдруг лопнул на всю длину. Вместе с мусором из него выпала разорванная страница.

Рина подняла ее. Почерк был мелкий, буквы смазаны от воды, но она разобрала:

«Колокол лучше всего звучит, когда звонарь страдает.

Несколько раз я просил Бога доказать мне, что Он есть. И Он это делал: совершенно однозначно для меня и неприметно для всех остальных. Но всякий раз, убедившись, что Он есть, я как-то внутренне пугался и словно бы начинал пятиться, будто мне было бы выгоднее, если бы Бога не существовало».

«Еще недавно я считал, что моя главная жизнь (за вычетом не важных и не значимых событий, вроде еды, сна, покупок и т. д.) – это то, что я пишу. А теперь сомневаюсь в этом, теперь думаю, что, может, совсем не это главное, а то, что я иду по книге Господа Бога, которую пишет Он. Книге не конечной, но живой и вечно дописываемой, где одномоментно разворачиваются тысячи отдельных историй и развиваются миллионы характеров, каждый из которых имеет свою собственную, независимую волю.

Всякая улыбка случайного прохожего, всякое его действие, движение, вздох, даже каждая ягода, цветок, сухая ветка – все это что-нибудь да значит. Все это точки, детали или хотя бы штрихи из этой книги, значения которых я пока не понимаю. Не означает ли это, что мне надо жаднее всматриваться в жизнь? Не придумывать, а брать то, что уже придумано Богом? Его детали ярки и правдивы. В каждом его листике больше реальности, прочности бытия,

чем в любом моем вымысле».

И чуть ниже:

«Если бы можно было написать письмо в прошлое! Запечатать конверт и отправить его самому себе на тридцать лет назад! Предупредить себя, чтобы не совершать таких-то ошибок, переиграть какую-то ситуацию, что-то открыть раньше, а что-то, совершенно тупиковое, раньше закрыть. Но, думаю, это ничего не изменило бы. Да и не послушал бы я себя. Видимо, тот путь, которым я прошел, и был единственно возможным».

Рина еще немного порылась палочкой в рассыпавшемся мусоре, но больше никаких обрывков не обнаружила и даже не поняла, было ли это частью книги или дневниковой записью.

– Ты идешь? – окликнул Сашка. Он уже навьючил продукты на ослика, который теперь, закончив ежедневную программу помощи литераторам, тянул в ШНыр.

Рина собиралась зайти к Воинову на следующий день, но утром Кавалерия послала ее в нырок за закладкой для девушки, которая все делала себе во вред. Из четырех-пяти возможных решений, которые всегда существуют для каждой ситуации, принимала наиболее саморазрушительные. Последовательно нарастая, ошибки принимали вид снежно-

го кома. В день своего семнадцатилетия девушка случайно выпила удобрение для цветов, стала лечиться не теми таблетками, попала не в ту больницу, и теперь ее везли на каталке делать ей не ту операцию. В общем, девушке повезло, что закладку для нее Рина все же обнаружила, хотя и вернулась с такой головной болью, что из ШНыра в тот день уже не выходила. Вместо нее в Копытово отправились Окса с Вовчиком, уже успевшие помириться.

Вечером, когда Рина собиралась ложиться спать, в дверь постучали. Фреда, поучавшая по телефону свою маму, как ей жить, недовольно опустила руку с мобильником.

– Ну? Кому там неймется? – сказала она, распахивая дверь.

На пороге стояла Окса.

– Привет! Я не к тебе! – сказала она Фреде, которую терпеть не могла, поскольку та поучала жизни не одну свою маму. – Где там Рина?.. Рин, ты слышала? Воинов умер!

– Какой Воинов? Писатель? – зачем-то спросила Рина.

– Ну да, – удивленно подтвердила Окса. – Вчера на рассвете.

– А как же… – Рина осеклась, едва не выговорив слово «закладка». Она была почему-то абсолютно уверена, что Воинов ею воспользуется, а тут какое-то непонятное, совсем лишенное смысла слово «умер»!

– Что «как же»? – не поняла Окса.

– Книга для умирающей девушки! – нашлась Рина.

Окса фыркнула:

– А, для той! Девушка вроде как и не болела. Врачи не могут понять: то ли лечение помогло, то ли ее анализы еще с чьими-то спутали. В общем, здорова как культурист до начала занятий спортом… А книгу он уничтожил!

– Как уничтожил? – повторила Рина ошеломленно.

– Да так. Стер ее с компьютера, причем грамотно стер, не только из «корзины» убрал, но даже и перезаписал что-то поверх. А черновики сжег в ванной.

– А почему девушке не отдал?

– Сказал Лохмушкину, что здоровому человеку такая книга не нужна. И что пусть она пройдет весь путь сама. И еще сказал, что перед тем, как уничтожить роман, он послал его по электронной почте, чтобы проверить: правда ли, что каждая рукопись имеет свою судьбу, которую невозможно изменить. И потом, разумеется, и из ящика тоже удалил.

– Кому отправил?

– Ввел первый попавшийся адрес, который пришел ему в голову. Причем даже не знал, окажется ли такой. Но, видимо, оказался, потому что письмо не вернулось.

– Но он же даже не знает, кому отправил! Может, тот человек вообще книг не читает! Или сотрет его, подумав, что вирус прислали! – закричала Рина.

Окса передернула плечами.

– Откуда ж я знаю? Чего ты на меня набросилась? – миролюбиво сказала она. – На вот, это Воинов тебе передал.

Через Лохмушкина.

– Мне?

– Да. Сказал: для девушки, которая приводила к нему ослика последней. Я вычислила, что это вроде как ты!

Окса сунула руку в карман и что-то положила Рине на ладонь. Рина увидела кольцо с крупным камнем переменчивого цвета, который казался то красноватым, то, когда его подносили ближе к лампе, желтоватым. На камне была вырезана непонятная восточная надпись, а над ней – виноградные грозди. Рина надела перстень на палец. Ощутила легкое покалывание. По завитушкам кольца от сердолика побежали бледные синеватые искры. Они обегали перстень по кругу и, не покидая пределов кольца, возвращались в камень.

Рина вскинула глаза на Оксу. Та с интересом смотрела на кольцо, но искр не замечала. Видимо, их видел только хозяин перстня.

«Закладка? – подумала Рина. – Да, закладка, но я с ней не сливаюсь. Значит, это половинчатая закладка!»

Она смутно припомнила, что каждая закладка существует в виде трех одинаковых камней: один в нашем мире, другой в *болоте*, третий на *двушке*. Два камня обыкновенные, и лишь третий является закладкой. Силы могут циркулировать между камнями. В *болоте* действующих закладок не осталось. В нашем мире закладки есть, но мало, так как почти все они отхлынули на *двушку*. Крайне редко, но все же случается, что силы закладки раздваиваются и одна половина этих сил

находится у нас, а другая на *двушке*. Такая закладка, дробно существующая сразу в двух мирах, называется половинчатой.

Рина легонько коснулась камнем своего лба, ощутив крошечный костер таланта, не сжигающий, но согревающий и живой. Не тарахтящее словами поверхностное вдохновение ослика, а нечто вечное, радостное и простое, что отзовется во всяком сердце, поскольку во всяком сердце уже есть искра этого огня.

Глава четвертая
Наста возвращается из нырка

В последнее время я перестал верить в возможность нейтральных состояний. Просто на основе самонаблюдений. Уходит отвага – приходит трусость. Уходит любовь – является тяжелое, медлительное раздражение. Уходит горячность – ее сменяет вялость. Уходит правда – приходит ложь с сотней разных лиц: от откровенной лжи другим до неявной лжи самому себе. В общем, жизнь – это сплошное ГОРЯЧО – ХОЛОДНО. И никакого нейтралитета.

Из дневника невернувшегося шныра

В открытое настежь окно в ШНыр с любопытством заглядывало лето. Лето радостное, беспокойное, озорное. Надувало теплым ветром шторы. Носилось по саду. Дышало Зеленым лабиринтом. Звенело цикадами. Играло ночными птицами. Подбрасывало к луне мотыльков. Потом, вспоминая, что у него и в других местах дела, кидалось вдоль пыльной дороги к дачной части Копытово, откуда сразу начинали доноситься звуки музыки и редкие вспышки салютов.

Бывшие младшие шныры, которые считались уже средними, сидели в отдыхательном пятачке, замыкавшем коридор второго этажа. Это были лучшие их часы – часы официаль-

ного безделья. Где-то с десяти вечера до двенадцати ночи. К этому времени основные работы в пегасне были уже завершены и там оставался только дежурный.

Сашка звякал блинами штанги, изредка ложась на скамейку, чтобы выполнить жим лежа. При этом он старался не навешивать слишком много, потому что опасался Макара. Тот легко мог начать вопить: «А-а! Мушка прилетела! А-а! Села!» – и надавливать на гриф пальцем, не давая вылезти из-под штанги.

Даня, валяясь на диване, разглядывал свою ладонь, размышляя, как мудро и тонко устроена человеческая рука. Можно брать предметы разного размера, поворачивать под всевозможными углами, использовать как ковш, рисовать, писать. Продуманы малейшие мелочи. Порой кажется, что что-то лишнее. Например, ногти. Но когда вытаскиваешь занозу или надо почесать комариный укус – сразу становится ясно, что ногти очень даже необходимы.

Макар вертелся у теннисного стола. Потом вдруг стал кричать:

– Эй! Кто последний шарик спер? Совсем обнаглели?! Поймаю гада – убью!

– У тебя в кармане! – сказал Влад Ганич, не оборачиваясь.

Макар вначале, конечно, заорал: «Что ты врешь?! Зубом ответишь! В каком кармане?!», а потом удивленно замолчал, потому что шарик и правда оказался именно там.

– Откуда ты все знаешь? – спросил он.

– Про тебя я все знаю, – сказал Влад, придирчиво разглядывая на свет манжеты своей белоснежной рубашки.

Кирилл сидел на подоконнике. Под окном, в пятне света от фонаря, ковырялась Суповна. Сверху видна была ее широкая, склоненная над цветником спина. Суповна выдирала сорняки. Изредка выпрямлялась, морщась бралась за поясницу и вновь возвращалась к прерванному занятию. Таких цветников, как этот, у Суповны по всему ШНыру было несколько. Росло на них то, что проклевывалось из семян, которые приносили с *двушки* старшие шныры.

Кирюша рассеянно наблюдал за Суповной, а потом вдруг схватился за горло и скатился с подоконника.

– Мама, спаси своего сыночка! Я теперь всегда буду есть кашу! – горячо зашептал он. – Она только что выкорчевала пень! Одной рукой!

– И че? – спросил Макар.

– Повторяю: здоровенный пень с корнями! Вырвала его из земли и перебросила через весь сад.

– Да-а. С бабулей лучше не ссориться, – признал Макар.

Кирюша вернулся на свой наблюдательный пост. Вокруг Суповны с голодным мявом шныряли коты и, мешая работать, терлись о ее ноги. Суповну это выводило из себя.

– А ну прочь пошли, дармоеды! Метят тут все, цветы топчут! Сегодня же всех перетравлю! На складе мышей полно, а они тут шатаются! – крикнула она и, расшвыряв ногами котов, направилась к крыльцу. Ненадолго скрылась и, почти

сразу вернувшись, сыпанула что-то в миску. И сразу же, опережая друг друга, в миску сунулось с десяток кошачьих голов.

– Чего там? – лениво спросил Макар.

– Суповна перетравила котов! – наябедничал Кирюша.

Вскоре миска опустела. Сытые коты развернулись, лениво потерлись о ноги Суповны и отправились в кусты. Видимо, умирать.

Лена меланхолично вязала свитер. Рукав у нее не получался. Она распускала его и вязала заново. Чем-то домашним веяло от нее, успокаивающим.

Недавно был день рождения Кирюши. Бабушка, то ли расщедрившись, то ли сослепу набрав в сбербанке-онлайн лишний нолик, сбросила любимому внуку на карточку много денег, и все младшие и средние шныры отправились играть в пейнтбол. Каждый раз выигрывала команда, в которой была Лена. Причем Лена не делала ничего особенного. Забивалась куда-нибудь в уголок и сидела как мышка, чтобы ее не нашли. Потом к Лене кто-то подходил, и она со страху начинала палить.

– Дело ясное! – сказал инструктор. – Играла у меня тут команда с четырьмя девушками. Всех выносили. Сидят тихо в засаде, носа не высунут – страшно. Зато сунься к ним – палить начинают до последнего патрона. И сдаваться им бесполезно. Кричи, не кричи «аут!» – ничего не слышат.

Дане надоело валяться на диване. Он неспешно свесил од-

ну ногу, затем другую. Двигался Даня всегда замедленно, как вышагивает цапля или идет по пустыне верблюд.

– Господа! Пару шныровских загадок никто не желает? – предложил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Горы. К краю пропасти подъезжает джип. Из джипа вылезают четверо мужчин, разбегаются и бросаются в пропасть. Ну?.. Что? Почему? Какие версии?

Фреда сидела на полу, облокотившись спиной о стену, и шариковой ручкой чистила ногти. Потом придирчиво оглядывала результат. После ручки под ногтями оставалась синяя чернильная полоса.

– В багажнике джипа что-то было? Ну или там в салоне? – спросила она.

– Сачок для ловли бабочек, несколько алмазов и небольшой плотно закрытый ящик, – перечислил Даня.

Фреда задумалась не больше чем на секунду.

– Ясно. В ящике – прикованный эльб. Эти четверо погибших – берсерки. Они о чем-то договорились с эльбом. Скорее всего, потребовали у него алмазы. А взамен пообещали ему живую закладку… Видимо, бабочка, стрекоза – что-нибудь летающее. Не выполнили обещание и покончили с собой, потому что эльб не простил бы.

– Как ты сообразила? – спросил Даня разочарованно.

– По сачку. Ну и по ящику.

– Допустим… А как ты догадалась, что погибшие именно берсерки, а не маги Белдо или из форта Долбушина?

– Только берсерки могли додуматься ловить контрзакладку сачком. Она ж насквозь пролетит. Да и желание у них было убогое: алмазы какие-то, – презрительно отозвалась Фреда.

Макар подошел к Фреде, присел на корточки и, держась на расстоянии, на котором его нельзя было пнуть, вкрадчиво спросил:

– Думаешь, ты самая умная?

– Макарушка! Я не думаю – я знаю! – отозвалась Фреда. – И вообще: топай отсюда бипедально! Не то уйдешь квадрупедально!

– Че? – ошалело спросил Макар.

– На четырех конечностях. А бипедально – это на двух ногах, – легко расшифровал Даня.

Он созерцал двух своих пчел, симметрично ползающих у него по рукавам. Стоило одной из них начать вертеться или чистить усики, как то же самое повторяла и другая.

– Ладно… С джипом и пропастью вы меня быстро раскололи. Тогда вот вам еще загадка. Шныр вернулся после нырка. Разрядил шнеппер, почистил куртку, выпил кофе с конфетами. Причем одной конфетой слегка подавился. Но ничего ужасного. Просто пару раз кашлянул, и все. Потом надумал помыться. Разулся, разделся. Постучал подошвами ботинок друг о друга и ушел в душ. Вернулся – а в комнате одни скелеты. Почему?

– Конфеты, конфеты… Странно… Обычно после нырка

аппетита нет, – забормотал Кирюша. – А с чего это он закашлялся?

Даня пожал плечами:

– Просто подавился человек, и все.

– Он на кого-то попал, когда кашлял? Инфекция с *двушки*? Нет, из *болота*?

– Вот уж не знаю. Думай сам. Идеально здоровых людей не бывает, – охотно пояснил Даня и приготовился уже прочитать лекцию о природе кашля, как вдруг…

– Ботинки он, конечно, с собой не брал? В душ их не потащил? – милым голосом циркулярной пилы, встретившей в дереве гвоздь, спросила Фреда.

Даня смахнул с рукава пчелу, и сразу же за ней взлетела и другая.

– Да. В душ он пошел в шлепках, – признал он.

– А скелеты лежали в непринужденных позах? Будто совсем не страдали? То есть кто-то с ноутбуком и так далее? – спросила Фреда, коварно поглядывая на Рину.

– Допустим… – неохотно признал Даня.

– Ну тогда ясно. В этих ботинках он нырял. Так? В подошве застрял камешек из Межгрядья. Может, мелкая закладка какая-то, которую он не заметил. А на подошве второго ботинка была слизь из *болота*. Камешек со слизью среагировали, оболочка закладки растворилась, и произошел скачок времени в отдельно взятой комнате… Лет так на сто-двести. Причем скачок мгновенный. Отсюда и скелеты!

– Ты знала? – уныло спросил Даня.

– Как? – удивилась Фреда. – Ты ведь это небось сегодня придумал…

– Вчера, – признал Даня. – Да, не могла знать… Я надеялся, все по ложному следу пойдут. Кашель там, конфеты…

Лара стояла и, уткнувшись в смартфон, с дикой скоростью строчила сообщения, ухитряясь поддерживать переписку сразу с двумя поклонниками.

– Эх! – вздохнула она. – Скелеты, фу! А я бы придумала, что время просто растянулось. Он такой возвращается из душа, а в комнате такие все переженились уже. Детишки у них, то-се. А сами они такие взрослые все, солидные, с пузиками.

– Пиши, не отвлекайся, пузико! А то телефон сломается! – раздраженно сказала Фреда.

– Почему сломается?

– Уж я-то тебя знаю! До плановой поломки телефона у тебя осталось от силы дня три… Потом будешь доставать всех своих мужичков, что тебе нужен новый.

Лара наморщила лоб, разглядывая смартфон. До сих пор она не просчитывала такой вариант, но теперь, когда Фреда так сказала, Лара, конечно, соблазнилась.

Разбухшая дверь душа, расположенная чуть дальше по коридору, всхлипнула. Кто-то толкнул ее изнутри, и появилась красная босая нога в шлепанце.

– Шныр из загадки! – ахнула Рина и уставилась на себя, точно ожидая увидеть скелет.

Из душа появился Кузепыч. Сердито посмотрел в их сторону, точно собираясь подойти и раздать поручения, но после развернулся и мрачно затопал к лестнице. И тут легкого на язык Кирюшу угораздило крикнуть ему: «С легким паром!» Кузепыч дернулся, словно ему вогнали между лопаток осиновый кол, остановился, повернулся и…

– Ой! – тихо сказал Кирюша. – Нас идут убивать!

Он запоздало заметил, что кроме шлепок на Кузепыче – прорезиненный плащ, причем совершенно мокрый. И капюшон плаща мокрый. Судя по этому плащу, пар Кузепыча не был таким уж легким. И вообще, говоря объективно, если он и валит откуда-то, то лишь из ушей.

– Бездельничаем, шныры? Поближе к делу, подальше от работы? Сознавайтесь: кто сорвал горячий кран да еще и сток мочалкой забил? Мне что, кафель ломом пробивать?! – заревел Кузепыч еще издали.

Рина опасливо, чтобы случайно ее не выдать, скосила глаза на Алису. Она знала, что если в ШНыре что-то где-то ломается, то обычно не обходится без Алисы.

– Кто это сделал, якорный пень?! – продолжал бушевать Кузепыч.

Алиса скромно разглядывала ножки теннисного стола, заканчивающиеся блестящими колесиками.

– Это не мы! Никто не виноват, что в этом ШНыре все разваливается! – произнесла Фреда хладнокровно. Она вообще никого не боялась.

Кузепыч уставился на Фреду и стал медленно раздуваться. В отдыхательном пятачке запахло близким атомным взрывом. Однако прежде чем взрыв прозвучал, рядом с Кузепычем неожиданно возник Макс. Он отвел Кузепыча за рукав на пару шагов и что-то прошептал. Кузепыч застыл. Потом, шевельнув бровями-щеточками, раздраженно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.